ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

ЗАГАДОЧНАЯ КНИГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Золотой век детектива

Гилберт Честертон

Загадочная книга (сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

до 1936

УДК 821.111

Честертон Г. К.

Загадочная книга (сборник) / Г. К. Честертон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», до 1936 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-617-12-4864-9

Гилберт Кит Честертон – английский писатель, журналист, яркий представитель авторов классического детектива. Честертон написал более 80 книг, 200 рассказов, несколько романов. Но наибольшую популярность ему принес цикл детективных новел об отце Брауне – тихом, застенчивом священнике, который мастерски раскрывает самые запутанные загадки и преступления. Он пользуется особым методом в расследованиях, ставя себя на место преступника, чтобы понять логику преступления. Невероятные приключения этого мудрого героя завоевали сердца миллионов читателей по всему миру и привнесли новое в жанр детектива. В сборник вошли рассказы «Загадочная книга», «Сапфировый крест», «Молот Господень», «Странные шаги», «Загадочное исчезновение», «Дуэль доктора Хирша», «Волшебная сказка отца Брауна», «Бог гонгов», «Голова Цезаря», «Лиловый парик», «Салат полковника Крэя», «Сломанная шпага», «Странное преступление Джона Бульнуа», «Небесная стрела», «Проклятие золотого креста» и «Собака-прорицатель».

УДК 821.111

ISBN 978-617-12-4864-9

© Честертон Г. К., до 1936
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», до 1936

Содержание

Загадочная книга 6
Сапфировый крест 15
Молот Господень 28
Странные шаги 39
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Гилберт Кит Честертон
Загадочная книга

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Загадочная книга

Профессор Опеншоу всегда взрывался с громким хлопком, когда кто-нибудь называл его спиритом или утверждал, что он верит в спиритизм. Впрочем, это не исчерпывало его порохового запаса, поскольку возмущение профессора было не меньшим, когда кто-либо утверждал, что он не верит в спиритизм. Профессор Опеншоу был чрезвычайно горд тем, что всю жизнь посвятил изучению психических феноменов; еще он гордился тем, что ни разу не позволил себе даже намеком дать понять, считал ли он их в самом деле психическими явлениями или же относил к категории простых феноменов. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем сидеть в окружении убежденных спиритов и смаковать подробности того, как он разоблачал одного медиума за другим, и сколько раз он раскрывал различные мошенничества. Дело в том, что он действительно был наделен большим дедуктивным талантом и нешуточной проницательностью, которые проявлялись, стоило ему пристальнее присмотреться к тому или иному объекту, и надо отметить, что к медиумам он всегда присматривался с особым вниманием, полагая их объектом чрезвычайно подозрительным. Не раз он рассказывал о том, как сумел вывести на чистую воду одного спирита-шарлатана в трех разных обличьях: женщины, седобородого старца и шоколадно-коричневого брамина. Искренних сторонников этого учения подобные истории приводили в некоторое замешательство (что, собственно, и было их целью), никто, правда, не стал бы на это жаловаться, так как ни один спирит не отрицает существования мошенников в своей среде, вот только красноречие профессора как бы сводилось к тому, чтобы доказать, будто все медиумы – обманщики.

Но горе тому простодушному, невинному материалисту (а материалисты вообще народ простодушный и невинный), кто, послушав его речи, посмеет заявить, что существование призраков противоречит законам природы, или что подобного рода явления – не более чем старые суеверия, проще говоря, вздор, ахинея. Случись такое, сам же профессор неожиданно разворачивал орудия и обрушивал на смельчака неисчислимое множество не подлежащих сомнению примеров необъяснимых феноменов, о которых несчастный рационалист никогда и не слышал; сыпал датами, описывал подробности, перечислял неудачные попытки объяснить все это с научной точки зрения, короче, говорил обо всем, кроме того, верил ли сам он, Джон Оливер Опеншоу, в существование духов. И ни один спирит, ни один материалист не мог похвастать тем, что сумел это понять.

Профессор Опеншоу, сухопарый мужчина с львиной гривой песочных волос и гипнотическими голубыми глазами, беседовал со своим другом отцом Брауном на лестнице гостиницы, в которой оба провели ночь и позавтракали этим утром. Вчера профессор довольно поздно вернулся с очередного великого эксперимента в сильном раздражении, и его все еще не покинул воинственный задор после того боя, который он, как всегда, вел как за, так и против обеих сторон.

– Ну вы-то ладно, – усмехнувшись, сказал он. – Вы все равно ничему не поверите, если бы даже это оказалось правдой. Но все эти люди постоянно спрашивают меня: что я пытаюсь доказать? Они как будто не понимают, что я – ученый. Ученый ничего не пытается доказывать. Он пытается найти то, что докажет само себя.

– Но пока еще это ему не удается, – заметил отец Браун.

– У меня есть несколько собственных соображений, и они не настолько отрицательны, как большинству из них кажется, – ответил профессор, на какой-то миг сдвинув брови. – Как бы то ни было, я начинаю подозревать, если тут и есть, что искать, то ищут они это не там, где нужно. Все это слишком уж театрально, словно делается напоказ: все эти сверкающие эктоплазмы, потусторонние звуки, голоса, все остальное. Все как будто списано из старых мелодрам и давно заплесневевших романов про родовые замки с привидениями. Если бы они обра-

тились не к романам, а к истории, там бы они, как мне кажется, смогли что-то для себя найти… Помимо привидений.

– В конце концов, – сказал отец Браун, – привидения – это всего лишь видимость, явление образа, не больше. Никто ведь не станет спорить, что фамильные призраки появляются.

Взгляд профессора, как правило, отстраненно-рассеянный, неожиданно обрел осмысленность и сфокусировался, так он обычно смотрел на не вызывающих доверия медиумов. Вид у него при этом сделался такой, будто он поднес к глазу мощное увеличительное стекло. Нет, священник не показался ему похожим на подозрительного медиума, просто профессора удивило, что его друг думал почти то же самое, что и он.

– Явление! – пробормотал он. – Надо же, странно, что вы об этом упомянули. Чем больше я узнаю, тем сильнее у меня складывается впечатление, что люди многое теряют, думая только о явлениях. Если бы кто-нибудь хоть немного подумал об исчезновениях…

– Да, – кивнул отец Браун. – Тем более что в настоящих легендах далеко не всегда говорится только лишь о появлении мифических существ, о призывах к Титании или явлениях Оберона при луне, к примеру. Существует бесконечное множество легенд об исчезновении людей, которых похищают духи природы, феи. Уж не о Килмени[1] или Томасе-Рифмаче[2] вы говорите?

– Я говорю об обычных современных нам людях, о которых в газетах пишут, – ответил Опеншоу. – Может быть, вас это и удивит, но сейчас именно они являются моей добычей, и я преследую ее уже достаточно давно. Если честно, я считаю, что многие из психических явлений можно объяснить. А вот исчезновения для меня – загадка, если только они не относятся к области психического. Все эти люди, которые бесследно пропадают средь бела дня и которых потом разыскивают через газеты. Если бы вам было известно то, что известно мне… Да вот только сегодня утром я получил подтверждение – необычное письмо от одного старого миссионера, вполне уважаемого старика. Он собирается сегодня в первой половине дня встретиться со мной у меня на работе. Хотите – давайте пообедаем вместе, я расскажу, чем закончится эта встреча… Только это строго между нами, договорились?

– Спасибо, я приду, – скромно отозвался отец Браун. – Если, конечно, до того времени меня не похитят духи.

На этом они расстались, и Опеншоу повернул за угол, направляясь к своему маленькому кабинету, который снимал недалеко от гостиницы. Там он в основном занимался тем, что готовил к публикации небольшую газету, где печатались посвященные психическим и психологическим вопросам статьи самого сухого, агностического характера. У него был только один служащий, секретарь, который, сидя за столом в приемной кабинета, подбирал факты и производил различные исчисления для будущих публикаций. Проходя к себе, профессор задержался, чтобы спросить у него, не приходил ли мистер Прингл. Секретарь, не отрываясь от работы, машинально ответил «нет» и продолжал строчить цифры, а профессор завернул во внутреннюю комнату, которая и была его кабинетом.

– Да, кстати, Бэрридж, – бросил он на ходу, – если мистер Прингл придет, пусть проходит прямо ко мне. От работы не отвлекайтесь – я бы хотел, чтобы вы закончили сегодня, если это возможно. Можете оставить результаты у меня на столе, если завтра я опоздаю.

И он вошел в кабинет, обдумывая тот вопрос, который подняло или даже разрешило письмо Прингла. Даже самый закоренелый агностик до определенной степени продолжает оставаться обычным человеком, и, возможно, профессору показалось, что письмо миссионера могло стать своего рода подтверждением его еще не сформировавшейся окончательно теории. Он сел в большое удобное кресло напротив гравюры Монтеня и еще раз перечитал короткое

[1] Килмени – героиня поэмы шотландского поэта Джеймса Хогга «Пробуждение королевы».

[2] Томас-Рифмач – шотландский бард XIII в. По преданию, его полюбила и увела за собой королева эльфов.

послание от преподобного Люка Прингла, в котором тот просил разрешения заехать к нему этим утром. Никто лучше профессора Опеншоу не знал отличительных черт письма человека эксцентричного или неуравновешенного: перенасыщенность деталями, ломаный почерк, излишняя затянутость, ненужные повторы. Ничего подобного в этом письме. Это была короткая, отпечатанная на машинке записка, где автор в сухой, деловой манере сообщал, что столкнулся с несколькими необычными случаями исчезновения, которые могут вызвать интерес у профессора как у исследователя психических явлений. Профессору было приятно это узнать, и никаких отрицательных чувств у него не возникло, кроме неожиданного удивления, когда он, подняв голову, увидел, что преподобный Люк Прингл уже в его комнате.

– Ваш секретарь сказал, что я могу заходить, – произнес мистер Прингл извиняющимся тоном, но с широкой приятной улыбкой, которую частично скрыли косматая рыжеватая борода и пышные бакенбарды. Эта борода, густая и всклокоченная, напоминала джунгли (такие бороды иногда отращивают белые люди, подолгу живущие в тропических лесах), но в глазах над вздернутым носом не было ничего дикого или чужеземного. Опеншоу мгновенно устремил на них испытующий взгляд – сконцентрированный луч, зажигательное стекло скептического недоверия, столько раз помогавшее ему понять, кто перед ним: шарлатан, маньяк или человек, которому можно верить. На этот раз у него возникло непривычное положительное чувство. Такая клочковатая борода могла принадлежать и сумасшедшему, но глаза мистера Прингла совершенно не соответствовали бороде: таких откровенных, веселых глаз не бывает ни у настоящих мошенников, ни у настоящих помешанных. Человек с такими глазами должен быть обычным обывателем, скептиком-жизнелюбом, который хоть и на свой примитивный лад, но совершенно искренне будет спорить со всяким, кто попытается доказать существование духов и привидений. В любом случае ни один профессиональный обманщик не смог бы изобразить подобную несерьезность. Мужчина был в застегнутом под самое горло стареньком плаще, и лишь широкополая чуть сдвинутая набок шляпа указывала на то, что это священник. Впрочем, миссионеры из мест отдаленных и диких не всегда одеваются так, как положено духовным лицам.

– Вы, профессор, наверное, думаете, что все это очередной розыгрыш, – сказал мистер Прингл, и в голосе его послышалось непонятное веселье. – Надеюсь, вы не будете сердиться из-за того, что ваше вполне естественное недоверие вызывает у меня улыбку. Но все равно мне нужно поделиться фактами с кем-то, кто разбирается в подобных вопросах, поскольку то, что я хочу вам рассказать, не выдумки. Если говорить серьезно, эта история не только правдива, но и трагична. Короче говоря, я служил миссионером в Нья-Нья, это станция в Западной Африке прямо посреди густых джунглей. Единственным во всей округе белым человеком там был командующий этим районом, капитан Уэйлз. Там и он, и я, как бы это сказать… Немного одичали, что ли. Он вообще недолюбливал миссию. Уэйлз был, если так можно выразиться, диковатым во многих отношениях, из тех туповатых вояк с квадратными плечами, для которых важнее действовать, чем думать, и уж тем более, во что-то верить. От этого, к слову, вся эта история кажется еще более странной. Однажды после короткого отпуска он вернулся в свою палатку в джунглях и рассказал, что с ним произошел удивительный случай, и теперь он совершенно не понимает, что делать дальше. У него с собой была старинная книга в кожаной обложке, и он положил ее на стол рядом с револьвером и арабским кинжалом, который хранил как сувенир. Он сказал, что книга эта принадлежала человеку, на чьей лодке он только что приплыл, и человек тот утверждал, что эту книгу никому не то что читать, даже открывать нельзя, потому что того, кто это сделает, заберет дьявол или он исчезнет. В общем, что-то в этом духе. Уэйлз, конечно же, тут же стал убеждать его, что все это ерунда, да так, что они в конце концов поссорились. Закончилось это, похоже, тем, что этот лодочник, которого капитан обвинил в трусости и суеверии, все-таки заглянул в книгу. И, как только он это сделал, книга выпала из его рук, он попятился к борту лодки…

– Минуточку, – прервал его профессор, который, слушая, делал какие-то заметки в записной книжке. – Прежде чем вы продолжите рассказ, ответьте мне на один вопрос: тот человек рассказал Уэйлзу, откуда у него эта книга или кому она принадлежала до него?

– Да, – ответил Прингл, который уже не выглядел таким веселым. – Если мне не изменяет память, он сказал, что везет ее вернуть прежнему владельцу, доктору Хэнки, путешественнику и исследователю Востока, который и предупредил его о странных особенностях книги. Хэнки – человек умный, настоящий ученый и большой скептик. То-то и странно. Впрочем, в рассказе Уэйлза все было просто. Лодочник, заглянув в книгу, выбросился за борт, и с тех пор его никто не видел.

– А сами вы в это верите? – помолчав, спросил Опеншоу.

– Верю, – ответил Прингл. – И верю по двум причинам. Во-первых, Уэйлз напрочь лишен воображения, а он в своем рассказе упомянул такое, что придумать мог только человек с богатой фантазией. Он сказал, что, хоть день был тихий и безветренный, лодочник, перешагнув через борт, исчез бесшумно, не издав всплеска.

Несколько секунд профессор молча смотрел на свои записи.

– А вторая причина? – наконец спросил он.

– А вторая причина – это то, что я увидел своими собственными глазами, – тихо произнес преподобный Люк Прингл.

Снова наступила тишина, которую на этот раз все тем же невыразительным, деловитым тоном нарушил Прингл. В нем совершенно не чувствовалось волнения, свойственного любому безумцу или даже простому человеку, искренне верящему в то, что говорит сам, и старающемуся убедить в этом кого-то еще.

– Как я уже говорил, Уэйлз положил книгу на стол рядом с кинжалом. В палатке был только один вход, и я как раз стоял рядом с ним, спиной к Уэйлзу, и смотрел в лес. Он же стоял у стола и что-то бормотал раздраженным голосом. Говорил, до чего это глупо в двадцатом веке бояться заглянуть в книгу, и, мол, ничто ему не может помешать самому ее открыть. Но тут во мне, очевидно, проснулся какой-то инстинкт, и я посоветовал ему не делать этого, сказав, что лучше вернуть ее доктору Хэнки. «Да что она мне сделает, книга эта?» – воскликнул он. «Что сделает? – ответил я. – А что она сделала с тем вашим другом на лодке? Что с ним случилось?» Он не ответил. Да я и не представлял, что тут можно было ответить, и все же продолжал его убеждать, призвав в помощь логику. «Хорошо, предположим, эта книга совершенно безопасна. Как, в таком случае, вы объясните то, что произошло на лодке?» Он и на этот раз ничего не ответил. Тогда я обернулся и увидел, что он исчез.

Палатка была пуста. Книга лежала на столе, открытая, однако обложкой вверх, как будто это он раскрыл и перевернул ее. Но на земле рядом со столом валялся его кинжал, а в натянутом брезенте зиял большой разрез, словно кто-то этим кинжалом вспорол ткань, чтобы выйти. Мне был прекрасно виден сам разрез, но за ним не было ничего, только мерцали темные джунгли. Я подошел к дыре и выглянул наружу. И вот что я заметил: растения, переплетающиеся здесь ветками, не сломаны, а трава даже не примята. По крайней мере, на расстоянии нескольких футов от палатки. С того дня я ни разу не видел капитана Уэйлза и не знаю, что с ним случилось.

Я завернул книгу в плотную упаковочную бумагу, стараясь даже не смотреть на нее, и привез в Англию. Сначала я собирался отдать ее доктору Хэнки. Но потом мне на глаза попалась статья в вашей газете, в которой вы как раз говорите о таких вещах, вот я и решил по дороге заехать и рассказать вам эту историю, поскольку знаю, что вы человек взвешенных суждений и не боитесь иметь дело с необычным.

Профессор Опеншоу положил ручку и впился взглядом в человека, сидящего на другом конце стола. В этом взгляде он попытался сконцентрировать весь свой богатый опыт общения со всевозможного рода мошенниками и даже с некоторыми видами честных, но эксцентричных

людей и оригиналов. В другой ситуации он бы начал с вполне здравого предположения, что вся эта история – не более чем нагромождение выдумок и лжи. По большому счету, он и был склонен думать, что все это сплошное вранье, да вот только человек, которого он видел перед собой, никак не вписывался в эту теорию. Даже если предположить, что он лжет, Опеншоу не мог поверить, что *такой* лжец мог *так* лгать. Прингл не старался произвести впечатление откровенного человека, как поступает большинство шарлатанов и жуликов. Скорее даже наоборот, казалось, что он говорит правду, хотя прямо на поверхности плавало нечто неуловимое, наводящее на мысль о противоположном. «Может быть, этот действительно искренний человек, просто что-то не так понял и оттого впал в заблуждение?» – предположил профессор. Так ведь нет, опять же, не те симптомы: в нем чувствовалось какое-то холодное безразличие, как будто ему не было дела до своего заблуждения, если, конечно же, это всего лишь заблуждение.

– Мистер Прингл, – резко и неожиданно произнес он, как адвокат, от чьего возгласа свидетель вздрагивает, – где сейчас находится ваша книга?

Улыбка снова появилась на бородатом лице, которое за время рассказа сделалось серьезным.

– Я оставил ее снаружи, – сказал мистер Прингл. – В вашей приемной. Может, это и рискованно, но это меньший из двух рисков.

– Что вы имеете в виду? – не понял профессор. – Почему вы не принесли ее сюда?

– Потому что, – ответил миссионер, – я знал, что вы откроете ее, как только увидите… не дослушав моего рассказа. Поэтому и решил, что, возможно, выслушав меня, вы все же подумаете, прежде чем это сделать. – Немного помолчав, он добавил: – Там все равно никого не было, кроме вашего секретаря, а он показался мне спокойным, невозмутимым джентльменом, к тому же он был очень занят какими-то расчетами.

Опеншоу от души рассмеялся.

– А, Беббидж[3]! – воскликнул он. – Ваши магические книги с ним в полной безопасности, могу вас заверить. Вообще-то его зовут Бэрридж, но я частенько называю его Беббиджем, потому что он ужасно похож на счетную машину. Уж кто-кто, а этот человек – если его вообще можно так назвать – меньше всего склонен открывать чужие пакеты, завернутые в упаковочную бумагу. Думаю, теперь можно принести ее сюда, и, поверьте, я весьма ответственно отношусь к вашему рассказу. Скажу вам откровенно, – лицо его снова сделалось серьезным, он внимательно посмотрел на гостя, – я не уверен, стоит ли открывать эту книгу здесь и сейчас, или же лучше просто отправить ее этому доктору Хэнки.

Они вместе вышли из кабинета в приемную, но, как только они это сделали, мистер Прингл вскрикнул и бросился к столу секретаря. Стол остался на месте, но секретарь исчез. На столе рядом с разорванной упаковочной бумагой лежала старинная книга в кожаной обложке с пожелтевшими страницами. Книга была закрыта, но создавалось впечатление, словно она захлопнулась только что. Стол секретаря стоял рядом с окном, выходящим на улицу, и в оконном стекле зияла большая дыра, как будто через нее вышвырнули человеческое тело. Никаких других следов мистера Бэрриджа не было.

Оба мужчины остолбенели. Первым начал постепенно приходить в себя профессор. Никогда еще взгляд его не был столь трезвым и рассудительным, как в ту минуту, когда он медленно повернулся и протянул руку миссионеру.

– Мистер Прингл, – ошеломленно произнес он, – прошу вас меня извинить. Я прошу прощения за те подозрения и за те мысли, которые у меня были на ваш счет. Любой человек, считающий себя ученым, не имеет права отрицать очевидных фактов.

– Я думаю, – не без сомнения в голосе произнес Прингл, – нужно попытаться что-нибудь выяснить. Вы можете позвонить ему домой, узнать, не возвращался ли он?

---

[3] Беббидж, Чарлз (1791–1871) – английский математик, изобретатель аналитической счетной машины.

– По-моему, у него нет телефона, – неуверенно ответил Опеншоу. – Он живет, кажется, где-то в районе Хэмпстеда, но, наверняка ведь, если его хватятся, кто-нибудь обратится сюда, друзья или родственники.

– Может, стоит составить его описание? Вдруг полиция его потребует, – предложил миссионер.

– Полиция! – воскликнул профессор, стряхивая с себя задумчивость. – Описание… Боюсь, что выглядел он совершенно непримечательно… Ну разве что глаза немного навыкате… Обычный аккуратный мужчина, без усов, без бороды, таких тысячи. Но полиция… Послушайте, что же нам делать со всем этим безумием?

– Я знаю, что мне делать, – твердо сказал преподобный мистер Прингл. – Я сейчас же отвезу эту книгу прямиком доктору Хэнки и спрошу его, что, черт возьми, все это означает. Он живет тут неподалеку. Съезжу и сразу обратно, передам, что он скажет.

– Хорошо, – помолчав, согласился профессор и тяжело опустился на кресло. Очевидно, он обрадовался возможности отделаться от ответственности. Но еще долго после того, как торопливые звонкие шаги маленького миссионера стихли на улице, профессор сидел в той же позе, отрешенно глядя в одну точку, как человек, впавший в транс.

Он сидел на том же месте и почти в том же расположении духа, когда с улицы опять донеслись шаги, и в комнату вошел миссионер, но уже с пустыми руками.

– Доктор Хэнки попросил оставить его с книгой на час, ему нужно подумать, – с серьезным видом произнес Прингл. – А потом он ждет нас у себя. Сказал, что объявит свое решение. Он просил передать вам, профессор, что очень хочет, чтобы вы непременно пришли со мной.

Опеншоу продолжал молча смотреть перед собой, потом неожиданно воскликнул:

– Дьявол! Этот доктор Хэнки, кто он такой?

– Вы это сказали так, будто подразумеваете, что он и есть дьявол, – с улыбкой заметил Прингл. – И, я думаю, вы не первый, кто так говорит. Он довольно известный человек примерно в той же области, что и вы, но славу свою приобрел большей частью в Индии, изучая местную магию и так далее, поэтому здесь он, может быть, и меньше известен. Это желтый тощий дьявол, невысокий, хромоногий и с жутким характером. Но у него вполне приличная практика в наших краях и ничего особенно плохого я о нем сказать не могу… Если не считать, что он – единственный, кто предположительно хоть что-то знает обо всей этой чертовщине.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся и подошел к телефону. Он позвонил отцу Брауну, перенес встречу на вечер, освобождая себе время для экспедиции в дом англо-индийского врача, после чего снова сел, закурил сигару и глубоко задумался.

Отец Браун вошел в ресторан, где должна была состояться встреча, и какое-то время походил по вестибюлю, полному зеркал и пальм в горшках. Ему было известно, с кем Опеншоу собирался встречаться днем, и теперь, когда за окнами уже стемнело и предвещавший ночную бурю ветер раскачивал ветви деревьев, понял, что свидание это затянулось и обернулось чем-то неожиданным. У него даже возникла мысль, что профессор вообще не придет, но, когда тот все-таки явился, стало ясно, что догадки его были недалеки от истины. Глаза профессора бешено вращались, а волосы его были всклокочены, когда он вместе с мистером Принглом вернулся из путешествия на север Лондона, из края обширных поросших вереском пустошей и пустырей, которые кажутся хмурыми и неприветливыми в лучах грозового заката. Как бы то ни было, они нашли нужный дом, стоящий чуть в стороне от остальных зданий, увидели медную табличку с выгравированной надписью: «Дж. И. Хэнки, доктор медицины, член Королевского хирургического общества», да вот только самого Дж. И. Хэнки, доктора медицины, члена Королевского хирургического общества, они не обнаружили. Увидели только то, что им нашептывало страшное предчувствие: пустую гостиную, в которой на столе лежала проклятая книга, как будто ее только что читали, и открытую настежь дверь во двор, за которой, присмотревшись, можно было различить вереницу следов на садовой дорожке, уходившую вверх

так круто, что ни один хромой по ней взбежать не смог бы. И все же следы эти, несомненно, принадлежали хромому человеку, поскольку среди них виднелись бесформенные, неровные отпечатки чего-то наподобие ортопедического ботинка. Потом шло два отпечатка одного этого ботинка (словно человек прыгал на одной ноге) и дальше – ничего. О судьбе доктора Дж. И. Хэнки ничего не было известно, похоже, он принял решение, заглянул в книгу, после чего его настиг рок.

Когда двое прошли под пальмами через вестибюль, Прингл бросил книгу на маленький столик так, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством посмотрел на нее. На обложке книги неровными грубоватыми буквами было написано:

Того, кто книгу эту открывал,
Крылатый ужас забирал.

Ниже, как он позже заметил, то же предостережение было начертано на греческом, латинском и французском. Профессор и миссионер были настолько утомлены путешествием и до того взволнованы, что им, естественно, захотелось освежиться, и Опеншоу подозвал официанта, который принес на подносе коктейли.

– Надеюсь, вы поужинаете с нами, – спросил Опеншоу Прингла, но тот лишь покачал головой.

– Простите меня, – сказал он, – но я собираюсь пойти куда-нибудь и все-таки разобраться с этой книгой и со всем, что вокруг нее творится. Вы не позволите мне на часок занять ваш кабинет?

– Но… Боюсь, там закрыто, – несколько удивился Опеншоу.

– Вы забыли, там же выбито окно. – Лицо преподобного Люка Прингла растянулось в широкой улыбке, он вышел из ресторана и скрылся в ночи.

– Странный все-таки он человек, – произнес профессор, задумчиво нахмурив брови и проводив его взглядом.

Однако, повернувшись к отцу Брауну, он с изумлением увидел, что тот беседует с официантом, принесшим коктейли, явно о каких-то его (официанта) делах, поскольку разговор шел о ребенке, которому «уже ничего не грозит». Профессор поинтересовался у Брауна, откуда он знает этого человека, на что тот ответил:

– О, я здесь обедаю раз в два-три месяца, и мы время от времени разговариваем.

Профессор, который обедал здесь примерно пять раз в неделю, подумал, что ему никогда не приходило в голову о чем-то разговаривать с официантами, но мысли его были прерваны неожиданным резким звонком, после чего его пригласили к телефону. Голос, донесшийся из трубки, сказал, что это Прингл. Голос звучал приглушенно, но причиной тому могла быть и кустистая борода миссионера. Впрочем, кто говорит, можно было понять и без представления.

– Профессор, – зашуршал голос, – я больше этого не вынесу. Я собираюсь заглянуть в нее. Я звоню из вашего кабинета, и книга лежит передо мной. Если со мной что-нибудь случится, я хочу заранее попрощаться… Нет, не пытайтесь меня отговорить, и вы все равно не успеете сюда добраться. Я уже открываю книгу. Я…

Опеншоу показалось, что он услышал какое-то дрожание или вибрацию, почти беззвучный толчок. Он несколько раз прокричал в трубку имя Прингла, но ответа не последовало. Профессор повесил трубку, придал лицу бесстрастное академическое спокойствие (впрочем, сильно смахивающее на оцепенение, вызванное отчаянием), вернулся к столику, занял свое место и ровным, четким голосом, как будто рассказывал о каком-то глупом закончившемся провалом ухищрении очередного медиума-шарлатана, подробно поведал священнику обо всем, связанном с этой чудовищной загадкой.

– Это невообразимо, но уже пять человек исчезли, – сообщил он. – Каждый из этих случаев можно назвать исключительным, но меня больше всего поразил мой секретарь, Бэрридж. И потому, что он был, наверное, тишайшим существом на земле, его исчезновение кажется самым загадочным.

– Да, – согласился отец Браун. – В любом случае, Бэрридж поступил довольно странно. Он ведь человек невероятно сознательный и всегда разделял работу и свою личную жизнь. Мало кто знал, что в домашней обстановке это был весельчак, каких поискать, и к тому же…

– Кто, Бэрридж? – воскликнул профессор. – О чем вы говорите? Вы что, были знакомы с ним?

– Нет, – беспечно ответил отец Браун. – Не больше чем с этим официантом. Мне частенько приходилось ждать вас у вашего кабинета, и, разумеется, я проводил какое-то время рядом с бедным Бэрриджем. Знаете, он был немного чудаковатым человеком. Я помню, однажды он рассказал, что хочет начать коллекционировать всякие безделушки. Вы, наверное, слышали, что некоторые люди собирают всякие ненужные вещи, в которых они видят какую-то ценность. Помните ту историю про женщину, которая собирала бесполезные вещи?

– Понятия не имею, о чем вы говорите, – сказал Опеншоу, – но даже если мой секретарь был человеком со странностями (хотя, если честно, уж кого-кого, а его я никогда не считал чудаком), это не объясняет того, что с ним произошло. Ну а того, что произошло с другими, и подавно.

– С какими другими? – спросил священник.

Профессор оторопело посмотрел на него и медленно, с расстановкой сказал, будто обращался к ребенку:

– Дорогой мой отец Браун, исчезли пять человек!

– Дорогой мой профессор Опеншоу, ни один человек не исчез.

Отец Браун смотрел на своего соседа так же внимательно и говорил так же отчетливо. Тем не менее профессор потребовал от него повторить эти слова, и они были повторены с той же отчетливостью.

– Я сказал, что никто не исчезал. – Через секунду он добавил: – Самая трудная штука в мире – убедить кого-то, что 0+0+0=0. Люди верят в самые безумные вещи, если они не единичны, а повторяются. Именно поэтому Макбет поверил предсказаниям трех ведьм, хотя первая сказала то, что он и сам знал, а третья – то, что зависело только от него. Но в вашем случае самое слабое звено промежуточное.

– Как вас понимать?

– На ваших глазах не пропал никто. Вы не видели, как исчез человек на лодке, вы не видели, как исчез человек в палатке. Об этом вам известно только со слов мистера Прингла, о котором я пока что не буду говорить. Но признайте: вы бы никогда не поверили его словам, если бы не получили подтверждение в виде исчезновения вашего секретаря. Точно так же Макбет никогда не поверил бы, что станет королем, если бы не сбылось другое предсказание – что он станет кавдорским таном.

– Можно и так сказать, – согласился профессор, медленно кивнув. – Но ведь я получил подтверждение и убедился, что все это правда. Вы говорите, что я сам ничего не видел. Но я же видел! Я видел, как исчез мой собственный секретарь. Что ни говори, но ведь Бэрридж исчез!

– Бэрридж не исчез, – сказал отец Браун. – Напротив.

– Как, черт подери, вас понимать? Что значит «напротив»?

– Это значит, – спокойно произнес отец Браун, – что он не исчезал. Он появился.

Опеншоу уставился на сидящего перед ним друга, но во взгляде его возникло то выражение, которое появлялось всякий раз, когда какой-то вопрос неожиданно представлялся ему в новом свете. Священник тем временем продолжал:

– Он появился в вашем кабинете с густой рыжей бородой и в неудобном наглухо застегнутом плаще и представился преподобным Люком Принглом. Вы же до этого обращали на своего секретаря настолько мало внимания, что не узнали его в этом грубом маскараде.

– Но ведь… – начал было профессор, но священник перебил его:

– Вы смогли бы назвать полиции его приметы? Нет. Возможно, вы вспомнили бы только, что он всегда чисто выбрит и носит затемненные очки. Ему, чтобы замаскироваться, даже не нужно было переодеваться, он мог бы просто снять очки, и вы бы ни за что его не узнали. Глаза его вы знали не больше, чем его душу. А глаза эти были насмешливыми. Он приготовил свою нелепую книгу, потом спокойно выбил окно, нацепил бороду, надел плащ и вошел в ваш кабинет, зная, что вы до этого никогда не смотрели ему в лицо.

– Но зачем ему понадобилось проделывать такие безумства? – не унимался Опеншоу.

– Неужели вы не понимаете? Именно потому, что вы никогда не смотрели ему в лицо! – сказал отец Браун, при этом пальцы его несильно сжались, и он приподнял руку, словно хотел ударить кулаком по столу. – Вы называли его счетной машиной, потому что ни для чего другого вы его не использовали. Вы не знали о нем даже того, что узнал бы за пять минут разговора любой посторонний, зайдя в вашу приемную: что он был человеком, что он был весельчаком, что у него имелись свои суждения насчет вас, насчет ваших теорий и насчет вашего умения «выводить на чистую воду» других людей. Неужели вы не понимаете, как ему хотелось доказать, что вы не сможете изобличить даже собственного служащего? У него было множество самых невероятных идей. Например, насчет коллекционирования разного хлама. Неужели вы не слышали о женщине, купившей две совершенно ненужные вещи: старую медную табличку врача и деревянную ногу? С их помощью ваш изобретательный секретарь и создал образ достопочтенного доктора Хэнки, которого поселил в своем же доме. Это было не сложнее, чем придумать воображаемого капитана Уэйлза.

– Погодите, не хотите же вы сказать, что тот дом за Хэмпстедом, в котором мы побывали, это дом самого Бэрриджа? – ошеломленно спросил Опеншоу.

– А вы бывали у него раньше? Хотя бы адрес его вы знали? – возразил священник. – Послушайте, я не хочу принизить ни вас, ни вашу работу. Вы – великий служитель истины и знаете, что я никогда бы не позволил себе проявить к вам неуважение. Вы видели множество лжецов и сумели уличить их в обмане. Но не смотрите вы только на обманщиков. Смотрите, хотя бы изредка, и на честных людей… таких, как официант.

– А где сейчас Бэрридж? – спросил профессор после долгого молчания.

– У меня нет ни малейшего сомнения, – сказал отец Браун, – что сейчас он в вашем кабинете. Более того, он оказался там в тот самый миг, когда преподобный Люк Прингл открыл ту злосчастную книгу и растворился в небытии.

Снова надолго наступила тишина, а потом профессор Опеншоу рассмеялся, и это был смех человека, который достаточно умен, чтобы не бояться признать свою неправоту.

– Наверное, я заслужил это тем, что не замечал своих ближайших помощников. Но, признайте, сочетание обстоятельств было достаточно убедительным. Неужели у вас хоть на секунду не возникло страха перед этой жуткой книгой?

– Что? Ах да! Нет, не возникло, – ответил отец Браун. – Я раскрыл ее, как только увидел. Там одни пустые страницы. Я, видите ли, не суеверен.

Сапфировый крест

Между серебряной лентой утреннего неба и искрящейся зеленой лентой моря к Харидж-скому причалу пристал пароход. Он выпустил на берег беспокойный рой темных фигур, и человек, за которым мы последуем, ничем не выделялся среди них… Да он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания, кроме, разве что, некоторого несоответствия между нарядностью выходного костюма и официальной строгостью лица. Одет он был в легкий светло-серый пиджак, белый жилет и соломенную шляпу серебристого цвета с пепельно-голубой лентой. Из-за светлой одежды тощее лицо его казалось темнее, чем оно было на самом деле. Короткая черная бородка мужчины придавала ему определенное сходство с испанцем и одновременно наводила на мысль о гофрированных круглых воротниках елизаветинских времен. С сосредоточенностью человека, которому нечем заняться, он курил сигарету. Глядя на него, никто не догадался бы, что под светлым пиджаком скрывается заряженный револьвер, в кармане белого жилета – удостоверение полицейского, а под соломенной шляпой – один из величайших умов Европы, ибо это был сам Валантэн, глава парижской полиции и самый знаменитый сыщик в мире. Он направлялся из Брюсселя в Лондон, чтобы произвести там самый громкий арест века.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец смогла выследить великого преступника, который из Гента переехал в Брюссель, а из Брюсселя перебрался в Хук ван Холланд. Было решено, что он захочет воспользоваться суматохой, вызванной евхаристическим конгрессом, чтобы осесть в Лондоне. Вероятно, он мог путешествовать под видом какого-нибудь неприметного церковнослужителя или секретаря, приехавшего на съезд духовенства, впрочем, полной уверенности в этом у Валантэна, разумеется, не было. Ни в чем нельзя быть уверенным, когда речь идет о Фламбо.

Прошло уже много лет с тех пор, как этот колосс преступности неожиданно перестал держать мир в волнении; и когда он затих (поговаривают, причиной тому была смерть Роланда), на земле воцарилось великое спокойствие. Но в лучшие свои дни (я, конечно же, имею в виду его худшие дни) Фламбо был велик и повсеместно известен не меньше, чем кайзер. Почти каждое утро газеты приносили весть о том, что новое дерзкое преступление позволило ему избежать преследования за предыдущее. Это был отчаянный гасконец огромного роста и богатырского сложения. О шутках этого атлета ходили самые невероятные легенды. Рассказывали, как однажды он перевернул следователя вверх ногами и наступил ему на голову ногой, «чтобы прочистить ему мозги»; как он бежал по Рю де Риволи, неся под мышками по полицейскому. Правда, справедливости ради, нужно сказать, что огромную силу свою он пускал в ход чаще всего для подобных бескровных, хоть и унизительных для жертвы выходок; он был вором и крал изобретательно и с размахом. Каждая его кража могла стать новым грехом и была настолько неповторима, что заслуживала того, чтобы посвятить ей отдельный рассказ. Это он организовал в Лондоне знаменитую «Тирольскую молочную компанию», которая не владела ни молочным хозяйством, ни коровами, ни транспортом, ни молоком, зато имела около тысячи подписчиков. Их он обслуживал очень простым способом: собирал по улицам стоящие под дверьми маленькие молочные бидоны и расставлял их у порогов своих клиентов. Это ему удавалось вести довольно оживленную и откровенную переписку с одной юной леди, вся почта которой перехватывалась и проверялась. Для этого он придумал поразительно ловкий прием: фотографировал свои послания через микроскоп и посылал ей фотографии, уменьшенные до крошечных размеров. Многие его проделки отличала удивительная простота. Говорят, что как-то раз под покровом ночи он перекрасил номера всех домов улицы лишь для того, чтобы заманить в ловушку свою очередную жертву. Доподлинно известно, что это Фламбо изобрел переносные почтовые ящики, он расставлял их в пригородах на тихих улочках в расчете на то, что

какой-нибудь случайный прохожий опустит туда почтовый перевод. Помимо всего прочего, он был изумительным акробатом; несмотря на большой рост и могучую фигуру, прыгал он, как кузнечик, и мог взобраться на любое дерево не хуже обезьяны. Поэтому великий Валантэн, отправляясь на поиски Фламбо, не сомневался, что приключения его не закончатся, когда он его разыщет.

Но как его найти? Этого великий сыщик еще не решил.

Фламбо был мастером по части грима и маскировки, но в его внешности было такое, чего он не мог скрыть, – это необыкновенный рост. Если бы острый глаз Валантэна углядел высокую торговку яблоками, высокого гренадера или даже подозрительно высокую герцогиню, он мог бы незамедлительно арестовать их. Но среди пассажиров поезда, на который он сел, не было никого, похожего на переодетого Фламбо больше, чем замаскированная кошка может походить на жирафа. В своих попутчиках с парохода он не сомневался, тех же, кто сел в поезд в Харидже или подсаживался на промежуточных станциях, было всего шестеро. Это коренастый железнодорожный служащий, едущий до конечной станции, три невысоких огородника, подсевших на третьей остановке, одна вдова совсем маленького роста, направляющаяся в Лондон из какого-то крохотного эссекского городка, и такой же низкорослый католический священник, едущий из какой-то крохотной эссекской деревушки. Увидев последнего, Валантэн махнул рукой и чуть не рассмеялся. Этот маленький священник был живым воплощением скучных серых долин востока Англии, которые проплывали за окном. Лицо у него было круглое и бесцветное, как норфолкская лепешка, а глаза – пустые, как Северное море, он с трудом удерживал несколько коричневых бумажных свертков и пакетов, которые то и дело норовили выпасть у него из рук. Евхаристический конгресс наверняка сорвал с насиженных мест множество подобных существ, слепых и беспомощных, как крот, которого вытащили из норы. Валантэн по-французски сурово относился к религии и священников не любил. Однако ничто не мешало ему испытывать к ним жалость, а этот мог вызвать жалость у кого угодно. У него с собой был большой потрепанный зонтик, который постоянно падал на пол, он, похоже, даже не знал, что ему делать с билетом. С простодушием идиота он всем рассказывал, что ему нужно быть осторожным, потому что в одном из коричневых бумажных пакетов он везет с собой что-то, сделанное из «чистого серебра с голубыми камнями». Это удивительное смешение эссекского простодушия с воистину святой простотой удивляло француза всю дорогу до Тоттнема, где священник со всеми своими свертками наконец сошел (кое-как) и вернулся за позабытым зонтиком. Снова увидев его в вагоне, Валантэн был даже так добр, что посоветовал ему не рассказывать всем вокруг о серебре, если хочет доставить его в целости и сохранности. Впрочем, с кем бы Валантэн ни разговаривал, бдительности он не терял, и глаза его внимательно рассматривали любого, богатого или бедного, мужчину или женщину, чей рост был близок к шести футам, поскольку рост Фламбо был шесть футов четыре дюйма.

Как бы то ни было, на вокзале Ливерпуль-стрит он сошел в полной уверенности, что пока что не пропустил преступника. Потом он съездил в Скотленд-ярд официально оформить свое пребывание в городе и договориться о том, чтобы в случае необходимости ему предоставили помощь. Выйдя из полицейского управления, он закурил очередную сигарету и отправился бродить по Лондону. Прохаживаясь по улицам и площадям позади Виктории, он неожиданно остановился. Перед ним была старая тихая, словно застывшая, типично лондонская площадь. Высокие плоские дома вокруг казались одновременно богатыми и необитаемыми. Площадка с кустами в самой ее середине напоминала затерянный в Тихом океане зеленый островок. Одна из четырех сторон площади была значительно выше остальных, как кафедра в зале, и эта ровная линия разбивалась зданием, которое казалось здесь совсем не к месту, но придавало всей площади особое очарование. Это был ресторан, выглядевший так, словно каким-то образом случайно переместился сюда из Сохо. Карликовые растения в горшочках, длинные белые в лимонно-желтую полоску шторы – чужеродной красотой своей дом этот притягивал к себе

взгляд. Он возвышался над всеми остальными зданиями, и высокая лестница, ведущая к парадной двери, чуть ли не на уровне второго этажа, очень напоминала пожарный выход – еще одна типично лондонская нелепость. Валантэн долго стоял перед этим зданием, он курил и рассматривал полосатые занавески.

Самое удивительное в чудесах то, что иногда они случаются. Несколько облаков на небе могут сложиться в форме человеческого глаза. Во время утомительного и скучного путешествия можно увидеть одинокое дерево, выделяющееся на фоне пустынного пейзажа, точно как вопросительный знак. Я сам не так давно видел и то и другое. Нельсон умирает в миг победы, а человек по фамилии Вильямсон совершенно случайно убивает человека, фамилия которого – Вильямсон… Звучит, как отчет о детоубийстве. Короче говоря, в жизни есть место чудесному совпадению, которое может постоянно ускользать от людей прозаического склада ума. Как прекрасно сказано в парадоксе По, мудрость должна полагаться на непредвиденное.

Аристид Валантэн был настоящим французом, а ум француза – это чистый ум и ничего больше. Нет, он не был «мыслящей машиной», поскольку это бессмысленное понятие – не более чем выдумка современных фаталистов и материалистов. Машина является машиной, как раз потому что не может мыслить. Он был мыслящим человеком, при этом прямым и простым. За его поразительным успехом, казавшимся настоящим чудом, стояла обычная четкая французская мысль и железная логика. Французы удивляют мир не парадоксами, а воплощением в жизнь азбучных истин. Они доводят их до… Вспомните Французскую революцию. Но именно поскольку Валантэн понимал, что такое разум, он понимал и пределы разума. Только человек, не знающий ничего о машинах, может говорить о езде без горючего; только человек, не знающий ничего о разуме, может говорить о мышлении, лишенном крепких фундаментальных предпосылок. Сейчас у Валантэна крепких предпосылок не было. В Харидже Фламбо не обнаружился, и, если он и находился в Лондоне, то мог быть кем угодно, от долговязого бродяги в Уимблдон-коммон до высокого распорядителя застолья в гостинице «Метрополь». Для таких ситуаций, как эта, когда совершенно непонятно, в какую сторону направляться дальше, у великого сыщика имелся особый метод.

В подобных ситуациях он полагался на случай. Когда действовать разумно было нельзя, он спокойно и методично действовал безрассудно. Вместо того чтобы ходить по «правильным» местам (банки, полицейские участки), встречаться с нужными людьми, он начинал ходить по местам «неправильным», заходил в каждый попавшийся на дороге пустой дом, осматривал каждый cul-de-sac[4], не пропускал ни одной грязной, заваленной мусором улочки, сворачивал во все закоулки, которые бесцельно уводили его в сторону. И на это безумство у него было вполне логическое объяснение. Он говорил, что, если след есть, это худший путь, если же следа нет – это лучший путь, поскольку оставался шанс, что, если что-то необычное привлекло внимание преследователя, оно точно так же могло привлечь внимание преследуемого. Откуда-то ведь нужно начинать, и лучше начинать с того места, где другой мог остановиться. Что-то в крутизне лестницы, ведущей к двери, что-то в спокойствии и необычности ресторана тронуло сыщика за душу, и он решил действовать наудачу. Он поднялся по лестнице, сел за столик у окна и заказал чашечку черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал, о чем ему напомнили остатки чужого завтрака на соседнем столике. Добавив к заказу яйцо-пашот, он стал рассеянно сыпать в кофе белый сахар, думая о Фламбо. Валантэн вспоминал, как Фламбо удавалось уходить от преследования: один раз он использовал для этого маникюрные ножнички, а в другой раз поджег дом; однажды сослался на то, что ему нужно заплатить за письмо без марки и улизнул прямо из-под носа, а как-то собрал толпу желающих посмотреть в телескоп на комету, которая могла уничтожить Землю. Глава парижской полиции не сомневался, что его сыщицкий мозг ничем не хуже мозга

[4] Тупик (*фр.*).

преступника, и был прав, но при этом четко осознавал разницу. «Преступник – творец, сыщик – всего лишь критик», – подумал он, горько улыбнулся и медленно поднес чашку кофе к губам и тут же опустил. Вместо сахара он насыпал в напиток соль.

Валантэн посмотрел на сосуд, из которого взял белый порошок. Вне всякого сомнения, это была сахарница. Точно так же предназначенная для сахара, как коньячная бутылка предназначена для коньяка. Почему же в нее насыпана соль? Осмотрев стол, он увидел другие привычные сосуды. Да, вот две солонки, обе полны до краев. Может быть, приправы, находящиеся в солонках, чем-то отличаются? Попробовал – сахар! После этого он со значительно возросшим интересом осмотрелся кругом: нет ли здесь других следов столь оригинального художественного вкуса, который заставил кого-то насыпать сахар в солонки, а соль – в сахарницу? Если не обращать внимания на странное пятно какой-то темной жидкости на белых обоях, ресторан казался самым обычным, чистым и уютным местом. Позвонив в колокольчик, он подозвал официанта.

Когда служитель – растрепанный, со слегка затуманенными в столь ранний час глазами – торопливо подошел, сыщик (который был не чужд простейших форм юмора) попросил его попробовать сахар и сказать, соответствует ли он высокой репутации заведения. Это привело к тому, что официант неожиданно зевнул и проснулся.

– У вас что, принято каждое утро так тонко подшучивать над посетителями? – поинтересовался Валантэн. – Не кажется ли вам, что шутка с подменой сахара солью несколько устарела?

Официант, когда ему стала понятна ирония, заикаясь заверил его, что ни у кого не было намерения делать это специально и что произошла просто нелепая ошибка. Он поднял сахарницу, посмотрел на нее, поднял солонку и так же внимательно повертел ее перед глазами. Удивленное выражение на его лице проступало все отчетливее. Наконец он, коротко извинившись, убежал и вернулся через несколько секунд с хозяином ресторана. Тот тоже осмотрел сначала сахарницу, потом солонку и тоже пришел в удивление.

И вдруг официанта осенило.

– Так это, наверное, – захлебываясь, затараторил он, – это, наверное, те двое священников.

– Какие двое священников?

– Ну, те двое, которые плеснули супом в стену.

– Плеснули супом в стену? – удивленно повторил Валантэн, посчитав, что это, должно быть, какая-то необычная итальянская метафора.

– Да, да! – возбужденно воскликнул служитель и указал на темное пятно на белых обоях. – Вон туда на стену плеснули.

Тогда Валантэн перевел вопросительный взгляд на хозяина, и тот пришел на помощь с более подробным рассказом.

– Да, сэр, – сказал он. – Совершенно верно, хотя я не думаю, что это имеет какое-то отношение к сахару и соли. Двое священников сегодня утром, очень рано, как только мы открыли ставни, зашли и заказали бульон. Оба выглядели вполне приличными, спокойными людьми. Потом один расплатился и ушел, а второй (он сразу показался мне копушей) задержался еще на пару минут, вещи свои собирал. Потом и он ушел, только, перед тем как выйти, буквально за секунду до того, как выйти на улицу, взял свою чашку, наполовину полную, и выплеснул ее содержимое на стену. Я тогда был в задней комнате, официант тоже, и когда мы выбежали, в зале уже никого не было, только вот это пятно красовалось на стене. Особого вреда тут нет, но это было проделано настолько нагло, что я выбежал на улицу, чтобы догнать этих людей, но они оказались уже слишком далеко. Я только успел заметить, что они свернули за угол на Карстарс-стрит.

Сыщик вскочил, надел шляпу и взял трость. Он уже давно решил, что в бездонной тьме неведения ему должно следовать в направлении, обозначенном первым же указующим перстом, каким бы необычным он ни выглядел. Этот перст казался достаточно необычным. Заплатив по счету и хлопнув стеклянной дверью, вскоре он уже заворачивал за угол на Карстарс-стрит.

К счастью, даже в такие волнительные минуты он не терял бдительности. Когда он торопливо прошел мимо одной из лавок, что-то привлекло его внимание и заставило вернуться. Оказалось, это была лавка торговца фруктами. На открытом прилавке тесными рядами были аккуратно расставлены ящики с разнообразными товарами, каждый из которых снабжен табличкой с названием и ценой. В двух, самых больших, возвышались две горки, одна из апельсинов, другая из орехов. На горке орехов лежала картонная карточка, на которой синим мелом было жирно написано: «Свежайшие апельсины, 2 шт. – пенни». На горке апельсинов красовалось такое же совершенно четкое и однозначное описание: «Лучшие бразильские орехи, 1 унц. – 6 пенсов». Месье Валантэн посмотрел на эти ценники и почувствовал, что уже сталкивался с таким утонченным чувством юмора, и не так давно. Он указал на эту неточность краснощекому продавцу за прилавком, который угрюмо посматривал по сторонам. Торговец ничего не сказал, но резким движением поменял местами карточки. Сыщик, элегантно опираясь на трость, продолжил осмотр прилавка. Наконец он сказал:

– Прошу прощения за то, что отвлекаю вас, сэр, но я бы хотел задать вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциативности мышления.

Краснощекий зеленщик смерил его взглядом, не предвещавшим приятной беседы. Но Валантэн, покручивая тростью, продолжил самым жизнерадостным тоном:

– Каким образом, – спросил он, – два ошибочно расположенных ценника на прилавке торговца фруктами напоминают нам о священнике, приехавшем по делам в Лондон? Или, если я выражаюсь недостаточно понятно, что за мистическая ассоциация связывает идею об орехах, обозначенных как апельсины, с идеей о двух священнослужителях, один из которых высокий, а второй низкий?

Тут глаза торговца полезли из орбит, как у улитки, на секунду показалось, что он бросится на незнакомца. Наконец, едва сдерживая ярость, он заговорил:

– Не знаю я, какое вам до этого дело, но если вы их знаете, можете им от меня передать, что я им их тупые башки поотбиваю, если они еще раз перевернут мои яблоки. И мне все равно, попы они или не попы!

– О! – голосом, полным сочувствия, воскликнул сыщик. – Они в самом деле перевернули ваши яблоки?

– Один из них, – продолжал горячиться продавец. – По всей улице раскатились! Я бы поймал этого болвана, так яблоки собрать надо было.

– А куда пошли эти попы?

– Вон по той второй дороге по левую руку вверх, а потом через площадь, – быстро ответил краснощекий.

– Спасибо, – бросил Валантэн и растворился в воздухе, будто фея. На дальней стороне следующей площади он увидел полицейского и подбежал к нему. – Это срочно, констебль, вы не видели двух священников в широкополых шляпах?

Полицейский тихо засмеялся.

– Как же не видел? Видел, сэр, и мне сдалось, что один из них пьяный был. Он остановился прямо посреди дороги и с таким удивленным видом…

– Куда они пошли? – не дал ему договорить Валантэн.

– Вон там сели на один из тех желтых омнибусов, – ответил постовой. – До Хампстеда.

Валантэн показал ему свое удостоверение и скороговоркой выпалил:

– Я за ними. Найдите двух человек, мне нужна помощь, – и помчался через дорогу так целеустремленно, что дюжий полицейский без лишних вопросов послушно бросился исполнять поручение. Через полторы минуты французского сыщика на противоположном тротуаре нагнали инспектор и какой-то человек в штатском.

– Итак, сэр, – спросил инспектор, деловой улыбкой давая понять, что осознает всю важность ситуации, – чем мы можем?..

Валантэн выбросил вперед трость.

– В омнибус! Все расскажу на империале, – выкрикнул он и метнулся к стоянке, ловко лавируя между потоками карет и машин. Когда все трое, тяжело дыша, заняли места на втором этаже желтого омнибуса, инспектор сказал:

– На такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

– Верно, – спокойно ответил их предводитель, – если знать, куда ехать.

– Так куда же мы едем? – не без удивления поинтересовался его помощник.

Нахмурившись, Валантэн сделал несколько долгих затяжек, потом вынул изо рта сигарету и сказал:

– Если знаешь, что у человека на уме, иди на шаг впереди него, но если хочешь угадать, что у него на уме, держись за ним. Он сбивается с пути – и ты сбивайся с пути, он останавливается – и ты останавливайся, он идет медленно – и ты иди медленно. Это даст возможность увидеть то же, что видел он, и действовать так же, как действовал он. Все, что мы сейчас можем, – это смотреть в оба и попытаться не пропустить что-нибудь необычное.

– На что же нам смотреть? – поинтересовался инспектор.

– На все, – ответил Валантэн и снова погрузился в сосредоточенное молчание. Стало ясно, что дальнейшие расспросы не имеют смысла.

Омнибус медленно полз по улицам северного района, как казалось преследователям, уже много часов. Великий детектив дальнейших объяснений не давал, и его спутники, возможно, почувствовали неосознанное и все возрастающее сомнение в правильности своего решения прийти ему на помощь. Возможно, также они почувствовали и неосознанное и все возрастающее чувство голода, поскольку время обеда уже давно прошло, а бесконечные дороги северных лондонских предместий все увеличивались и увеличивались в длину, словно какой-то гигантский телескоп. Это была одна из тех поездок, когда путешественника не покидает мысль, что он вот-вот доберется до края белого света, пока не обнаруживает, что всего лишь въезжает в Тафнелл-парк. Лондон с его грязными тавернами и унылыми кустами остался позади, потом каким-то невообразимым образом снова показался впереди, на этот раз в виде оживленных широких улиц и кичливых гостиниц. Это напоминало путешествие по тринадцати разным городам и городишкам, расположившимся рядом друг с другом. Хмурые зимние сумерки уже начали сгущаться над дорогой, но парижский сыщик сидел по-прежнему молча и сосредоточенно рассматривал проплывающие по обеим сторонам фасады домов. К тому времени, когда они выехали из Камден-тауна, полицейские уже почти заснули, по крайней мере, они резко встрепенулись, когда Валантэн неожиданно вскочил, схватился за плечи обоих спутников и закричал, чтобы кучер остановился.

Они скатились по ступенькам, не имея понятия, зачем их заставили выходить, и, когда повернулись за объяснениями к Валантэну, увидели, что тот торжествующе указывает пальцем на окно в доме на левой стороне дороги, большое окно, которое являлось частью роскошного, с позолотой фасада гостиницы. Эта часть здания, украшенная вывеской «Ресторан», предназначалась для обедов респектабельной публики. Окно с матовым узорчатым стеклом, как и у всех остальных окон фасада, выделялось лишь одним: прямо посередине на нем зияла большая черная дыра, напоминающая лунку во льду.

– Вот он, наш ключ, наконец-то! – воскликнул Валантэн, размахивая тростью. – Дом с разбитым окном.

– Какое окно? Какой ключ? – растерянно переспросил его главный помощник. – С чего вы взяли, что это может иметь к ним какое-то отношение? Вы можете это доказать?

Валантэн в сердцах чуть не сломал бамбуковую трость.

– Доказать? – вскричал он. – Черт побери, ему нужны доказательства! Ну разумеется, шансы двадцать против одного, что это не имеет к ним никакого отношения. Но что мне остается сделать? Неужели вы не понимаете, что мы может либо ухватиться за этот шанс, либо ехать по домам спать?

С этими словами он решительно направился в ресторан. Его спутники последовали за ним, и вскоре они уже сидели за небольшим столиком, поглощали поздний обед и рассматривали отверстие в стекле с другой стороны. Впрочем, ясности от этого не прибавилось.

– У вас, я вижу, окно разбито, – сказал Валантэн официанту, расплачиваясь.

– Да, сэр, – ответил тот, склонился над столом и принялся усердно пересчитывать мелочь. Когда Валантэн молча положил перед ним солидные чаевые, официант не сильно, но заметно оживился. – Да, сэр, – распрямившись, добавил он. – Очень странная история, сэр.

– Да? А что произошло? – как будто из праздного любопытства поинтересовался сыщик.

– Вошли два господина в черных одеждах, – пояснил официант. – Ну, из тех священников заграничных, которых сейчас полно в городе. Перекусили. Потом один из них расплатился и ушел. Второй как раз тоже направился к выходу, когда я еще раз посмотрел на деньги и обнаружил, что он заплатил в три раза больше, чем следовало. «Постойте, – говорю я тогда этому парню, он уже почти за дверь вышел. – Вы заплатили слишком много». – «В самом деле?» – говорит он спокойно так. – «Да», – говорю и беру чек, чтобы показать ему, гляжу на него и ничего не понимаю.

– Что вы имеете в виду?

– Я готов хоть на семи Библиях поклясться, что на счете я писал «4 пенс.», а теперь там совершенно четко было «14 пенс.»!

– Надо же! – негромко воскликнул Валантэн, но глаза его пылали. – И что потом?

– Священник у двери и глазом не моргнул. «Прошу прощения, что спутал ваши счета, – говорит, – но пусть это будет платой за окно». Я ему: «Какое окно?» А он мне: «Которое я сейчас разобью». Берет зонтик и пробивает в стекле эту дырку.

Все трое полицейских изумленно воскликнули, а инспектор тихо произнес: «Мы что, за сумасшедшими гонимся?» Официант, похоже, довольный произведенным эффектом, продолжил удивительный рассказ.

– Меня это так удивило, что на несколько секунд я замер как вкопанный, просто не мог сдвинуться с места. Священник преспокойно вышел, присоединился к своему другу, вместе они свернули за угол и там так припустили на Баллок-стрит, что я, хоть и собирался, ни за что бы их не догнал!

– Баллок-стрит! – вскричал сыщик и устремился на эту улицу, должно быть, с не меньшей скоростью, чем странная пара, которую он преследовал.

Погоня продолжалась. Теперь преследователи шли между голых кирпичных стен, по похожим на туннели мрачным пустынным улицам; улицам, на которых почти не было не только фонарей, но даже и окон; бесконечно долгим улицам, которые, видимо, состояли сплошь из тыльных сторон самых разнообразных зданий, собранных со всего города. Смеркалось, и даже лондонские полицейские уже с трудом понимали, в каком точно направлении шагают. Инспектор все же был почти уверен, что они должны были выйти на какую-то часть Хампстед-хита. Неожиданно фиолетовые сумерки прорезал свет освещенной газовым фонарем круглой выпуклой витрины, похожей на большой иллюминатор. Оказалось, это кондитерская. Валантэн остановился, постоял пару секунд и вошел в магазин. Походив с серьезным видом между празднично-яркими витринами с пестрым товаром, он тщательно выбрал тринадцать шоколадных

трубочек и медленно направился к прилавку. Сыщик явно подыскивал повод завязать разговор, но оказалось, это было излишне.

Нескладную неопределенного возраста продавщицу элегантный француз заинтересовал не больше любого другого покупателя. Лишь профессиональное любопытство заставило ее окинуть его беглым взглядом. Однако, когда в дверях появился инспектор в синей форме, сонная пелена с ее глаз спала.

– Если вы по поводу того пакета, – сказала она, – так я его уже отослала.

– Пакета? – повторил Валантэн, теперь настала его очередь проявить любопытство.

– Ну, того пакета, который оставил джентльмен… Джентльмен-священник.

– Ради всего святого, – весь подавшись вперед, воскликнул Валантэн, впервые проявляя настоящее волнение, – ради всего святого, расскажите подробно, что произошло.

– Ну так… – неуверенно начала женщина. – Зашли ко мне два священника, где-то с полчаса назад, купили мятных леденцов, поговорили немного… Ну а потом вышли и пошли в сторону Хита, но через секунду один из них снова забегает ко мне и говорит, забыл я, мол, тут пакет. Ну, я посмотрела кругом, никакого пакета не нашла. Он тогда и говорит: «Ничего страшного, но если найдется, пошлите его, пожалуйста, по такому-то адресу». Называет мне адрес и дает шиллинг за хлопоты. А потом я, хоть и думала, что везде смотрела, нашла-таки его пакет, в коричневую бумагу завернутый, ну и послала по тому адресу, что он оставил. Адреса я сейчас не вспомню, но где-то в Вестминстере. Дело-то вроде как важное, вот я и подумала, что за ним полиция пришла.

– Пришла, – коротко согласился Валантэн. – Хампстед-хит далеко отсюда?

– Прямо по улице – пятнадцать минут, – сказала женщина, – и выйдете прямиком в парк.

Валантэн выскочил из магазина и побежал. Его спутники неохотно припустили трусцой следом за ним.

Улица, по которой они бежали, была узкой и зажатой тенями, поэтому, неожиданно оказавшись под открытым бескрайним небом, они с удивлением обнаружили, что вечер был еще достаточно светлым и чистым. Идеальный сине-зеленый, как павлинье перо, купол опускался, отсвечивая позолотой, в темнеющие деревья и чернильные дали. Прозрачные зеленые сумерки сгустились как раз настолько, что позволяли заметить на небе кристаллики первых звезд. Последние остатки дневного света собрались в золотистое свечение по краю Хампстеда и в той популярной среди лондонцев низины, которая зовется Юдолью здоровья. Отдыхающие, которых всегда полно в этом месте, еще не все разошлись; несколько пар все еще темнели на скамейках бесформенными очертаниями, с далеких невидимых каруселей доносились радостные крики девушек. Величие небес сгущалось в сумерки и окутывало тьмой надменную человеческую пошлость. Стоя на краю склона и окидывая взглядом долину, Валантэн узрел то, что искал.

В этой бескрайней дали среди черных расстающихся пар была одна, особенно черная, которая не расставалась… Пара в церковных одеждах. Хоть они и казались не больше муравья, Валантэн сумел рассмотреть, что один из них был значительно ниже другого. Несмотря на то что второй сутулился, как ученый человек, проведший жизнь за книгами, и поведение его совершенно ничем не привлекало к себе внимания, сыщик определил, что рост его значительно выше шести футов. Сжав челюсти, Валантэн двинулся вперед, нетерпеливо покручивая трость. Когда расстояние между ними заметно сократилось и черные фигуры увеличились, будто в огромном микроскопе, он увидел нечто такое, что удивило его, хотя и не оказалось для него полной неожиданностью. Кем бы ни был высокий священник, насчет личности низкого у него не осталось ни малейшего сомнения. Это был его попутчик по хариджскому поезду, неуклюжий маленький кюре из Эссекса, которому он советовал не распространяться о содержимом его коричневых бумажных пакетов.

Итак, наконец-то все сложилось в более-менее понятную картину. Утром, когда Валантэн наводил справки, он узнал, что некий отец Браун из Эссекса везет на конгресс серебряный крест с сапфирами, очень ценную реликвию, чтобы показать его кому-то из заграничных коллег. Несомненно, это и есть то «что-то из чистого серебра с голубыми камнями», а отец Браун – это, несомненно, и есть маленький наивный разиня, который ехал с ним в одном вагоне. Нет ничего удивительного в том, что то, что узнал Валантэн, сумел узнать и Фламбо. Фламбо узнал все. К тому же стоит ли удивляться, что Фламбо, проведав о сапфировом кресте, решил похитить его; это так же естественно, как сама естественная история. И уж точно нечего сомневаться, что Фламбо запросто обведет вокруг пальца такую овцу, как человек с зонтом и бумажными свертками. Он из тех людей, кого кто угодно может увести за собой на веревке хоть на Северный полюс. Такому актеру, как Фламбо, ничего не стоило, переодевшись священником, заманить его в Хампстед-хит. Пока что преступный замысел был как будто понятен, и если священник своей беспомощностью вызвал у Валантэна лишь жалость, то к Фламбо, который опустился до обмана такой доверчивой жертвы, сыщик теперь испытывал чуть ли не презрение. Однако, когда Валантэн подумал обо всем, что случилось за этот день, обо всем, что привело его к триумфу, он понял, что ему еще предстоит поломать голову, дабы понять, что все это значит и какой в этом смысл. Зачем для похищения серебряного с сапфирами креста понадобилось выливать бульон на стену в ресторане? Какой был смысл называть орехи апельсинами или сначала платить за окна, а потом разбивать их? Поиски-то он довел до конца, но каким-то образом пропустил середину. Когда ему случалось попасть впросак (что происходило достаточно редко), это обычно означало, что он имел в руках улики, указывающие на преступника, но самого преступника упускал. Сейчас же он был готов схватить преступника, но улик так до сих пор и не получил.

Фигуры, которые они преследовали, ползли, как две черные мухи по огромному зеленому склону холма. Они явно были погружены в разговор и, возможно, не задумывались о том, куда их несут ноги, но ноги их несли на холмы Хита, где людей не было и было намного тише. Преследователям, следующим за ними по пятам, пришлось, как каким-нибудь охотникам на оленей, прятаться за деревьями, припадать к земле за кустами и даже ползать в высокой траве. Столь неудобный способ передвижения тем не менее позволил охотникам приблизиться к дичи настолько близко, что они смогли услышать тихое журчание беседы, однако слов было не разобрать, точно слышалось лишь одно слово – «разум», которое снова и снова повторялось высоким, почти детским голосом. Один раз на краю обрыва, среди густых и беспорядочных зарослей сыщики потеряли из виду две темные фигуры. Следующие десять минут прошли в агонии поисков, но когда их следы снова были найдены, они вывели их к подножию огромного холма, который нависал над залитым светом заходящего солнца пустынным естественным амфитеатром. В этом величественном, но заброшенном месте под деревом стояла старенькая покосившаяся скамеечка. На нее и опустились двое увлеченных серьезным разговором священников. Темнеющий горизонт все еще восхитительно отливал зеленью и золотом, но небесный купол теперь все больше утрачивал павлинью зелень и все больше набирался павлиньей синевы, а звезды все больше и больше походили на сверкающие бриллианты. Молча делая руками знаки своим помощникам, Валантэн каким-то образом исхитрился подползти к большому ветвистому дереву. Заняв позицию за его стволом, затаив дыхание, он прислушался и впервые смог разобрать разговор странных священников.

После полутора минут подслушивания его охватило жуткое сомнение. Может статься, что он затащил двух английских полицейских на просторы ночного парка ради затеи, в которой смысла было не больше, чем в поисках фиг на ветках чертополоха, заросли которого темнели не так далеко. Дело в том, что священники разговаривали так, как и полагается священникам: благочестиво, учено и степенно, обсуждали они самые бесплотные загадки богословия. Маленький эссекский священник говорил просто и спокойно, подняв круглое лицо к разгора-

ющимся звездам, его спутник отвечал, склонив голову, словно был не достоин на них смотреть. Но более богословской беседы нельзя было услышать ни в белой итальянской церкви, ни в черном испанском соборе.

Первое, что он услышал, было окончанием предложения отца Брауна, которое звучало так:

– …Что они на самом деле имели в виду в средние века, говоря о непорочности высших сил.

Высокий священник кивнул склоненной головой и сказал:

– Да, эти современные язычники обращаются к их разуму, но разве может кто-то смотреть на эти миллионы вселенных и не чувствовать, что там наверху могут существовать и такие удивительно миры, в которых разум совершенно неразумен?

– Нет, – ответил другой священник, – разум всегда разумен, даже в самых дальних закоулках лимба и на затерянных границах материального мира. Я знаю, люди ставят в укор церкви, что она якобы преуменьшает значение разума, но на самом деле все обстоит как раз наоборот. На земле лишь церковь ставит разум превыше всего остального. На земле лишь церковь утверждает, что сам Бог ограничен рамками разума.

Его собеседник поднял строгое лицо к звездному небу и произнес:

– Но, кто знает, быть может, в этой безграничной Вселенной…

– Безграничной только физически! – с большим чувством возразил маленький священник, резко повернувшись к собеседнику. – Не безграничной в смысле отхода от законов истины.

За деревом Валантэн в молчаливой ярости впился ногтями в кору ствола. Ему уже слышались смешки английских сыщиков, которых он, доверившись своему чутью, завел так далеко только ради того, чтобы послушать метафизические рассуждения двух тихих служителей церкви. В нетерпении он прослушал не менее вдохновенный ответ высокого священника, а когда снова начал прислушиваться, опять говорил отец Браун.

– Разум и справедливость царят и на самой дальней и одинокой звезде. Взгляните на эти звезды. Разве они не похожи на алмазы и сапфиры? Вы можете представить любые, хоть самые безумные ботанические или геологические формы. Каменные леса с бриллиантовыми листьями, луну в виде циклопических размеров сапфира, но не думайте, что подобная безумная астрономия может иметь хотя бы малейшее значение для разума и чувства справедливости. На опаловых равнинах, под утесами из жемчуга на доске объявлений все равно будет начертано: «Не укради».

Валантэн, сраженный первой по-настоящему большой глупостью, совершенной в своей жизни, как раз поднимался, чтобы как можно незаметнее и быстрее удалиться, но что-то в молчании высокого священника заставило его остановиться, чтобы дождаться его ответа. Когда тот наконец заговорил, голова его была низко наклонена, руки лежали на коленях. Он просто произнес:

– Что ж, возможно, иные миры выше нашего разума. Загадка небес непостижима, и я могу лишь склонить перед ней голову. – А потом, все так же не поднимая головы и не меняя интонации, он добавил: – Просто отдайте мне сапфировый крест. Здесь мы совершенно одни, и я могу разорвать вас на куски, как соломенную куклу.

Совершенно неизменившийся голос и полное спокойствие заставили эти неожиданные слова прозвучать особенно зловеще. Но маленький хранитель реликвии всего лишь повернул голову на какую-то долю градуса. Его простодушное лицо было все так же обращено к звездам. Возможно, он просто не понял. Или понял и окаменел от страха.

– Да, – сказал высокий священник все тем же тихим голосом и, не шевелясь, – да, я – Фламбо. – Потом, немного помолчав, произнес: – Так что, отдадите крест?

– Нет, – односложный ответ прозвучал как-то странно.

Совершенно неожиданно Фламбо сбросил с себя маску скромного служителя церкви. Великий грабитель запрокинул голову и захохотал. Смеялся он негромко, но долго.

– Нет! – воскликнул он. – Вы, горделивый прелат, не отдадите мне его. Вы, мелкий простофиля в сутане, мне его не отдадите. А сказать вам, почему? Потому что он уже лежит у меня за пазухой.

Человечек повернул к нему показавшееся в сумерках застывшим лицо и неуверенным голосом «личного секретаря», робеющего перед грозным шефом, произнес:

– Вы… уверены в этом?

Фламбо взвыл от удовольствия.

– Честное слово, вы – интереснейший человек! Наблюдать за вами – одно удовольствие, все равно, что смотреть трехактный фарс, – голосил он. – Да, болван вы эдакий, я в этом совершенно уверен. Мне хватило ума приготовить фальшивку, и теперь, друг мой, у вас – подделка, а у меня настоящий крест. Это старый трюк, отец Браун… Очень старый.

– Да-да, – промямлил отец Браун и с трудноопределимым выражением лица пригладил рукой волосы. – Да, я слышал о нем.

Гений преступного мира с неожиданным любопытством чуть подался вперед и пристально всмотрелся в маленького деревенского священника.

– Слышали? – спросил он. – От кого?

– Я не имею права назвать вам его имя, – бесхитростно сказал человечек. – Тайна исповеди, понимаете. Но этот человек двадцать лет жил в полном достатке, зарабатывая подделыванием бумажных свертков и пакетов. И, видите ли, когда я начал подозревать вас, мне сразу вспомнился этот несчастный.

– Начали меня подозревать? – повторил законопреступник, и в его голосе послышались напряженные нотки. – Неужто вам хватило сообразительности что-то заподозрить, когда я завел вас в это пустынное место?

– Нет-нет, – извиняющимся тоном заверил его Браун. – Видите ли, я начал подозревать вас, как только мы встретились. Все дело в небольшой выпуклости на рукаве, там, где вы носите браслет на шипах.

– Дьявол! – вскричал Фламбо. – Откуда вам известно про браслеты на шипах?

– От паствы! – простодушно ответил отец Браун и несколько удивленно приподнял брови. – Когда я служил куратором в Хартлпуле, у меня было трое прихожан, которые носили такие приспособления. Поэтому, конечно же, когда у меня с самого начала возникли подозрения, я сделал все, чтобы с крестом ничего не случилось. Извините, но, боюсь, что я наблюдал за вами. Поэтому, когда вы наконец подменили пакет, я это заметил и подменил его снова. Потом правильный пакет я отправил в надежное место.

– В надежное место? – повторил Фламбо, и в голосе его впервые не было слышно ликования.

– Вот что я сделал, – все так же невозмутимо продолжал маленький священник. – Я вернулся в ту кондитерскую, сказал, что забыл там пакет, и оставил адрес, куда его отослать, если он сыщется. Я-то знал, что на самом деле ничего там не забывал, но, перед тем как уйти, я специально оставил его, чтобы за мной не мчались с этим ценным предметом, а отослали его моему другу в Вестминстер. – Потом, сокрушенно вздохнув, он добавил: – Этому я тоже научился у того несчастного в Хартлпуле. Он так делал с сумками, которые воровал на вокзалах. Но сейчас он в монастыре. Понимаете, я же священник, я не могу иначе, – добавил он и виновато потер лоб. – Люди рассказывают мне разные вещи.

Фламбо выхватил из внутреннего кармана завернутый в коричневую бумагу пакет и изорвал его в клочья. Внутри не оказалось ничего, кроме бумаги и пары свинцовых слитков. Он вскочил и возвысился над маленьким священником во весь свой огромный рост.

– Я не верю вам! – завопил он. – Не верю я, что такой неотесанный тюфяк мог такое провернуть! Нет, я думаю, эта штука все еще у вас и, если вы мне ее не отдадите… Черт побери, вокруг никого нет! Если не отдадите – я заберу его силой!

– Нет, – просто произнес отец Браун и тоже встал. – Вы не заберете его силой. Во-первых, потому что у меня его уже на самом деле нет. И, во-вторых, потому что мы не одни.

Фламбо, который уже двинулся на священника, замер.

– За этим деревом, – указал отец Браун, – двое сильных полицейских и величайший в мире сыщик. Как они сюда попали, спросите вы? Разумеется, это я их сюда привел. Каким образом? Если хотите, могу рассказать. Благослови Господи, работая с преступниками, волей-неволей приходится узнавать такие вещи! Понимаете, я не был полностью уверен, что вы – вор, и меньше всего мне хотелось поднимать шум вокруг ни в чем не повинного служителя церкви. Поэтому я просто устроил вам проверку: вдруг бы вы себя чем-то выдали? Человек, как правило, возмущается и устраивает небольшую сцену, если вместо сахара в его кофе оказывается соль. Если этого не происходит, следовательно, у него есть причины не привлекать к себе внимания. Я подменил сахар солью, но вы не стали поднимать шум. Человек, как правило, возражает, когда ему дают тройной счет, и, если он его оплачивает, это говорит о том, что у него есть повод вести себя так, чтобы на него никто не обращал внимания. Я изменил ваш счет, и вы его оплатили.

Казалось, мир вокруг двух облаченных в сутаны мужчин замер в ожидании тигриного прыжка Фламбо, но он стоял, словно околдованный, и молча, с глубочайшим интересом внимал словам отца Брауна.

– Поэтому, – продолжал маленький сельский священник, – поскольку вы следов полиции не оставляли, кто-то же должен был это делать. Во всех местах, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, из-за чего нас потом вспоминали бы там весь день. Большого вреда я не принес – так, пятно на стене, рассыпанные яблоки, разбитое окно, – но крест был спасен, поскольку святой крест всегда будет спасен. Сейчас он уже в Вестминстере. Я, признаться, даже удивлен, что вы не додумались до ослиного свистка.

– Что-что? – не понял Фламбо.

– О, как хорошо, вы не знаете, что это такое! – обрадовался священник. – Это – плохая штука. Я уверен, вы – слишком порядочный человек для свистуна. Против свистка я был бы бессилен, даже если бы сам пустил в ход кляксы, – у меня слишком слабые ноги.

– Что вы несете? – воскликнул его собеседник.

– Я думал, уж про кляксы-то вы знаете! – приятно удивился отец Браун. – Значит, вы еще не совсем испорчены.

– А сами-то вы, черт подери, откуда знаете про всю эту гадость? – вскричал Фламбо.

Тень улыбки скользнула по круглому простоватому лицу церковника.

– Наверное, потому что я – простофиля в сутане, – сказал он. – Неужели вам никогда не приходило в голову, что человек, который почти только тем и занят, что выслушивает рассказы людей о своих грехах, должен прекрасно представлять себе зло, на которое способен человек? Но, если честно, не только это помогло мне убедиться, что вы – не настоящий священник.

– А что еще? – обреченно спросил вор.

– Ваши нападки на разум, – сказал отец Браун. – Так себя вести не стал бы ни один богослов.

И, когда он повернулся, чтобы собрать свои пакеты, из-за погруженных во тьму деревьев вышли трое полицейских. Фламбо был натурой артистичной и знал правила игры. Сделав шаг назад, он приветствовал Валантэна глубоким поклоном.

– Не кланяйтесь мне, mon ami[5], – любезно сказал Валантэн. – Давайте вместе поклонимся тому, кто этого заслуживает.

И оба склонили головы перед маленьким деревенским священником из Эссекса, который в темноте шарил рукой по скамейке в поисках зонтика.

[5] Друг мой (*фр.*).

Молот Господень

Деревенька Боэн Бикон прилепилась к вершине такого крутого холма, что высокий шпиль ее церкви кажется пиком небольшой скалы. У подножия церкви стоит кузница, которая обычно светится от постоянно горящего огня в горне и вечно завалена разнообразными молотами и кусками железа. Напротив нее, за перекрестком старых вымощенных грубым камнем дорог, располагается «Синий кабан» – единственная в этом месте таверна. У этого перекрестка, когда забрезжил свинцово-серый рассвет, и повстречались два брата, хотя один только начинал день, а второй заканчивал. Почтенный преподобный Вилфред Боэн, был очень благочестив, и путь он держал туда, где собирался предаться строгой молитве или задумчивому созерцанию рассвета. Почтенный полковник Норман Боэн, его старший брат, натура отнюдь не благочестивая, сидел в вечернем костюме на скамейке у «Синего кабана» и держал в руке то, что читатель имеет полное право по своему усмотрению считать либо последним за вторник, либо первым за среду выпитым стаканом. Сам полковник не видел в этом большой разницы.

Боэны были одним из тех немногочисленных аристократических родов, которые действительно ведут свое начало от средних веков, и флаг с их родовым гербом действительно когда-то развевался на просторах Палестины. Однако большая ошибка считать, будто такие дома занимают высокое положение в рыцарской традиции. Кроме бедняков мало кто сохраняет традиции. Аристократы живут не традицией, а модой. При королеве Анне Боэны были великосветскими хулиганами, а при королеве Виктории – ветреными хлыщами. Но как и большинство действительно старинных родов, за последние два века они выродились в простых пьянчужек и франтоватых дегенератов, вокруг которых постоянно ходят разговоры о сумасшествии. И в самом деле, было что-то безумное в жадной погоне полковника за всем, что доставляет удовольствие, и в его категорическом нежелании возвращаться домой, пока утро не затуманит жуткую ясность бессонницы. Это был высокий породистый мужчина, уже немолодой, хотя светлые волосы его сохранили удивительный желтый оттенок, который наводит на мысль о львиной гриве. Он выглядел бы как обычный блондин, если бы голубые глаза его не сидели так глубоко, что казались черными. К тому же они располагались слишком близко друг к другу. Его усы, желтые и очень длинные, с обеих сторон обрамлялись складками, идущими от ноздрей вниз, к челюсти, из-за чего казалось, что он все время ухмыляется. Поверх смокинга на полковнике было странное песочного цвета пальто, больше напоминавшее легкий домашний халат, а на затылке его висела чрезвычайно широкополая шляпа ярко-зеленого цвета, явно какая-то восточная диковинка, надетая по случаю. Он очень гордился тем, что позволял себе появляться в подобных не сочетаемых вещах, и тем фактом, что на нем это казалось даже уместным.

Брат его тоже был желтоволос и элегантен, но одетый во все строгое и черное, наглухо застегнутое до самого подбородка, а нервное лицо его было гладко выбрито и ухожено. Похоже, в этом мире его ничто не интересовало кроме религии, хотя кое-кто и говорил (особенно кузнец, пресвитерианин), что он больше любит готическую архитектуру, чем Бога, и что в церковь, где часто видели его молчаливую, одинокую, похожую на привидение фигуру, его толкает та же, только выраженная в другой, более благообразной форме, почти нездоровая страсть к красоте, которая заставляет его брата гоняться за женщинами и вином. Впрочем, обвинение это было сомнительным, поскольку его практичная набожность являлась очевидной. Более того, обвинение это стало результатом неверного понимания его пристрастия к одиночеству и тайной молитве и основывалось на том факте, что его часто видели коленопреклоненным не перед алтарем, а в других, неожиданных местах: в криптах или галерее, даже на колокольне. Он как раз собирался пройти в церковь через двор кузницы, но остановился и несколько нахмурился, когда заметил, что запавшие глаза брата устремлены в том же направлении. Мысль о

том, что полковника могло интересовать что-то, связанное с церковью, он отверг сразу. Оставалась только кузница. Хоть кузнец и слыл сторонником строгого образа жизни, про его жену, настоящую красавицу, Вилфред Боэн слышал разное. Поэтому он подозрительно посмотрел поверх сарая, а полковник, рассмеявшись, встал, чтобы поговорить с ним.

– Доброе утро, Вилфред, – произнес он. – Видишь, я, как и подобает хорошему помещику, наблюдаю за своими людьми день и ночь. Вот, собираюсь кузнеца навестить.

Вилфред опустил глаза и сказал:

– Кузнеца сейчас нет. Он в Гринфорде.

– Я знаю, – ответил его брат, посмеиваясь в усы. – Поэтому-то и хочу к нему сходить.

– Норман, – сказал церковник, рассматривая булыжники на дороге, – а ты не боишься молнии?

– О чем ты? – спросил полковник. – Ты что, метеорологией увлекся?

– Я хочу сказать, – пояснил, не поднимая глаз, Вилфред, – тебе никогда не приходило в голову, что Господь может поразить тебя прямо посреди дороги?

– Ах, прошу прощения, – сказал полковник. – Вижу, ты увлекаешься народным творчеством.

– А ты – богохульством, – резко ответил благочестивый человек, задетый за живое. – Бога не боишься, так бойся человека.

Старший из братьев вежливо приподнял брови.

– Бояться человека?

– Кузнец Барнс – самый крупный и сильный мужчина на сорок миль вокруг, – строго сказал священник. – Я знаю, что ты не трус и не слабак, да только ему не чета.

Эти слова возымели действие, поскольку были истинной правдой, поэтому складки у носа сделались темнее и углубились. Какую-то секунду полковник Боэн стоял молча и криво ухмылялся, но потом к нему вернулась его грубая веселость, и он рассмеялся. Из-под желтых усов показались два острых собачьих клыка.

– В таком случае, дорогой Вилфред, – беззаботно сказал он, – последний мужчина в роду Боэнов не зря вышел из дому в латах.

Он снял странную круглую шляпу, и оказалось, что изнутри она обшита стальными пластинками. Вилфред узнал в ней легкий шлем, который раньше красовался на японских или китайских доспехах, стоящих в холле старого родового замка.

– Первая шляпа, которая попалась под руку, – небрежно пояснил брат. – У меня со шляпами, как с женщинами. Какая ближе всего, такая и сгодится.

– Кузнец в Гринфорде, – тихо сказал Вилфред, – и вернуться может в любую минуту.

С этими словами он развернулся и, глядя под ноги, направился к церкви, перекрестившись, как человек, желающий отделаться от нечестивого духа. Больше всего ему хотелось позабыть всю эту мерзость в прохладном полумраке за высокими стенами своего готического собора, но в то утро судьба обернулась так, что его обычный спокойный религиозный распорядок повсюду сопровождался небольшими потрясениями. Когда он вошел в церковь, которая до сих пор в такое время всегда пустовала, стоявшая на коленях пред алтарем фигура поспешно поднялась и направилась к двери. Когда фигура вышла на свет, священник оторопел, поскольку утренний богомолец оказался не кем иным, как племянником кузнеца, деревенским дурачком, который никогда не интересовался да и не мог интересоваться делами церкви, как, впрочем, и любыми другими делами. Все его называли Слабоумным Джо, и другого имени у него, похоже, не было. Это был сильный сутулый парень, с тяжелым бледным лицом, темными прямыми волосами и постоянно открытым ртом. Когда он прошел мимо священника, по его бессмысленному лицу невозможно было определить, чем он тут занимался или о чем думал. Никто никогда не видел, чтобы он когда-нибудь молился. Что за молитвы произносил сейчас этот дурачок? Наверняка то были удивительные молитвы.

Вилфред Боэн, пораженный, не мог сдвинуться с места достаточно долго, чтобы увидеть, как Слабоумный Джо вышел на дневной свет, и даже как его распутный брат жизнерадостно приветствовал идиота, как какой-нибудь добродушный дядюшка племянника. Последнее, что он видел, – это то, как полковник начал швырять мелкие монетки в разинутый рот Джо с таким серьезным видом, будто в самом деле старался попасть.

Эта залитая солнцем картина мирской тупости и жестокости наконец обратила аскета к молитвам об очищении и обновлении мысли. Викарий поднялся наверх к маленькой отгороженной кабинке над галереей и сел под любимым витражом, который всегда умиротворял его дух. На синем стекле был изображен ангел, несущий лилии. Здесь мысли о слабоумном, о его мертвенно-бледном лице и по-рыбьи разинутом рте начали отступать, он уже меньше думал о своем порочном брате, мечущемся, словно тощий лев по клетке в предвкушении куска мяса. Его все больше и больше захватывали холодные и приятные цвета серебряных соцветий и сапфировых небес.

Здесь через полчаса и нашел его запыхавшийся Гиббс, сельский сапожник. Священник быстро поднялся, поскольку понимал, что должно было случиться что-то серьезное, чтобы Гиббс пришел в такое место. Сапожник этот (обычное для деревень дело) был атеистом, поэтому его появление в церкви было даже более неожиданным, чем визит Слабоумного Джо. Сегодня определенно утро теологических загадок.

– В чем дело? – довольно сухо спросил Вилфред Боэн, но все же прикоснулся дрожащей рукой к шляпе.

Атеист заговорил таким тоном, который был в его устах на удивление почтительным и даже сочувствующим.

– Прошу меня простить, сэр, – хрипловато прошептал он, – но мы подумали, что будет неправильно, если вы узнаете об этом не сразу. Боюсь, случилось нечто ужасное, сэр. Боюсь, что ваш брат…

Вилфред сжал слабые кулаки.

– Что на этот раз натворил этот греховодник? – вскричал священник негодующим голосом.

– Тут такое дело, сэр… – сказал сапожник и кашлянул. – Боюсь, он ничего не натворил и уж никогда больше не натворит. Вам, наверное, лучше самому сходить посмотреть, сэр.

Церковник спустился следом за сапожником по маленькой винтовой лестнице к входу, с которого улица была видна как на ладони, и сразу же увидел, что произошло. Во дворе кузницы стояли человек пять-шесть, в основном в черном, один из них был в форме полицейского инспектора. Остальные: доктор, пресвитер и священник из католической церкви, которую посещала жена кузнеца. Сама она, прекрасная огненно-рыжая женщина, сидела тут же на скамеечке и тихо рыдала. Католик что-то быстро говорил ей вполголоса. Между этими двумя группами, рядом с самой большой кучей молотков, распростершись ничком, лежал мужчина в смокинге. С высоты Вилфреду было прекрасно видно тело и все детали его костюма, вплоть до фамильных боэновских колец на пальцах, но, там где должна быть голова, красовалась какая-то жуткая клякса, похожая на звезду из черноты и крови.

Бросив взгляд на эту картину, Вилфред Боэн выбежал по ступенькам во двор. Доктор, их семейный врач, приветствовал его, но священник не обратил на него внимания. Он смог только пробормотать:

– Брат умер. Как это? Что произошло? Ничего не понимаю…

С его появлением все примолкли, и во дворе кузницы повисла тяжелая тишина. Наконец сапожник, самый разговорчивый из всех, произнес:

– Жуткая, конечно, история, сэр, но ничего непонятного.

– Как это? – спросил Вилфред, с лицом белым как мел.

– Все просто, – ответил Гиббс. – Вокруг на сорок миль есть только один человек, который такой силищи удар нанести мог. И у человека этого как раз были для этого все причины.

– Давайте не будем делать поспешных выводов, – довольно нервно вставил доктор, высокий чернобородый мужчина, – хотя я согласен с тем, что мистер Гиббс говорит о силе удара, сэр. Это был неимоверно сильный удар. Мистер Гиббс уверяет, что только у одного человека в округе хватило бы сил нанести такой удар, но я бы сказал, это вообще не под силу человеку.

Суеверный страх заставил вздрогнуть сухопарого викария.

– Н-не понимаю, – пролепетал он.

– Мистер Боэн, – тихим голосом произнес доктор, – я не силен в метафорах, но, думаю, будет верно сказать, что его череп разбит, как яичная скорлупа. Фрагменты костей вошли в тело и в землю, как пули в глинобитную стену. Это сделала рука гиганта. – Он ненадолго замолчал, зловеще поблескивая очками, потом продолжил: – Но это дает нам одно преимущество: снимает подозрение с большинства людей. Обвинять вас, меня или любого другого обычного человека в этом преступлении – это все равно что заявлять, будто ребенок может стащить колонну Нельсона[6].

– Так я об этом и говорю, – упрямо гнул свое сапожник. – Есть только один человек, который мог бы сделать такое. А где сейчас Симеон Барнс, кузнец?

– В Гринфорде, – слабым голосом сказал викарий.

– Да уж, скорее, во Франции, – пробурчал сапожник.

– Нет его ни в Гринфорде, ни во Франции, – произнес негромкий бесцветный голос, принадлежавший невысокому католическому священнику, который подошел к ним. – Собственно говоря, вон он, по дороге идет.

Маленький священник был особой неприметной – короткий ежик темно-русых волос, круглое невыразительное лицо, – но, будь он прекрасен, как Аполлон, все равно никто не посмотрел бы в этот миг в его сторону. Все повернулись и направили взоры на дорогу, которая вилась внизу по долине. И действительно, по ней огромными шагами с молотом на плече шагал кузнец Симеон. Это был огромный мужчина исполинского роста, с глубоко посаженными темными и зловещими глазами и смоляной бородой. Рядом с ним шли еще двое, они разговаривали. Кузнеца особенно веселым никогда не видели, но, похоже, в ту минуту он чувствовал себя вполне спокойно.

– Господи! – воскликнул безбожный сапожник, – а вон и молот, которым он это сотворил.

– Нет, – впервые подал голос инспектор, сообразительного вида мужчина с песочными усами. – Вон молот, которым он это сотворил, у стены церкви. Ни его, ни труп мы не трогали.

Все повернулись посмотреть на орудие убийства, а маленький священник перешел через двор и молча внимательно его осмотрел. Это был, пожалуй, самый маленький и легкий из молотков, и он ничем не выделялся бы среди остальных, если бы на его металлической части не было крови и желтых волос.

Наконец через какое-то время маленький священник нарушил молчание, и в его голосе послышались новые нотки:

– Мистер Гиббс был не совсем прав, – сказал он, – утверждая, что здесь нет никакой загадки. Здесь есть, по крайней мере, одна загадка: почему такой большой человек для того, чтобы нанести такой сильный удар, воспользовался таким маленьким молотком?

– Да какая разница? – нервно откликнулся Гиббс. – Давайте лучше решим, что нам делать с Симеоном Барнсом.

---

[6] Установленная в Лондоне на Трафальгарской площади сорокачетырехметровая колонна, с пятиметровой фигурой адмирала Нельсона наверху.

– Ничего, – спокойным голосом произнес священник. – Он ведь сам сюда идет, а обоих его спутников я знаю, это очень хорошие люди из Гринфорда. Они идут сюда по своим пресвитерианским делам.

Как только он это произнес, из-за угла церкви показался высокий кузнец и прошел на свой двор. Здесь он остановился, и молот выпал из его руки. Инспектор с непроницаемо официальным видом тут же подошел к нему.

– Я не буду спрашивать вас, мистер Барнс, – сказал он, – известно ли вам что-нибудь о том, что здесь произошло. Вы не обязаны ничего говорить. Я лишь надеюсь, что вам об этом ничего не известно и вы сможете это доказать. Но я должен провести официальную процедуру ареста именем короля за убийство полковника Нормана Боэна.

– Вы не обязаны ничего говорить, – опять вмешался неугомонный сапожник. – Они должны сначала все доказать. Они еще даже не доказали, что это полковник Боэн, вы посмотрите, у него же головы нет!

– Не поможет, – вполголоса сказал доктор священнику. – Это он детективных рассказов начитался. Я был семейным врачом полковника и знал его тело лучше, чем он сам. У него очень тонкие руки, которые к тому же имели одну необычную особенность. Второй и третий пальцы у него одинаковой длины. Так что можно не сомневаться, что это полковник.

Доктор и священник посмотрели на лежащее тело с размозженной головой, туда же направил стальные глаза и стоявший неподвижно кузнец.

– Полковник Боэн умер? – спокойно произнес он. – Значит, сейчас он горит в аду.

– Ничего не говорите! Вы имеете право ничего не говорить! – возбужденно закричал атеист-сапожник, упиваясь возможностью проявить знания английского законодательства. Никто так рьяно не следит за соблюдением законов, как убежденный антиклерикал.

Кузнец величественно повернул голову и бросил на него тяжелый взгляд человека, исступленно преданного религии.

– Это вам, язычникам, надо хитрить, как лисам, потому что мирские законы для вас и писаны, – сказал он. – Но Господь убережет тех, кто в лоне его, и сегодня вы увидите это глазами своими. – Потом он указал на тело полковника и сказал: – Когда этот пес издох во грехах своих?

– Следите за языком, – сказал ему доктор.

– Исправьте язык Библии, и я исправлю свой. Когда он умер?

– Сегодня в шесть утра я его видел живым, – с запинкой произнес Вилфред Боэн.

– Господь милосерден, – произнес кузнец. – Мистер инспектор, я совершенно не возражаю, чтобы вы меня арестовали. Это вам стоило бы против этого возражать. Я не боюсь побывать в зале суда и покинуть его полностью оправданным, а вот вам, может, будет и неприятно, если из-за этого пострадает ваша карьера.

Строгий инспектор первый раз посмотрел на кузнеца внимательно, как и все остальные, кроме странного низенького священника, все еще рассматривающего маленький молоток, которым совершено такое страшное деяние.

– Рядом с кузницей стоят два человека, – продолжил кузнец излагать свою мысль, – это торговцы из Гринфорда, которых все вы знаете, и они подтвердят, что со вчерашнего вечера до самого утра и позже видели меня в зале собраний нашей Миссии Возрождения, где мы всю ночь молились за спасение наших душ. В самом Гринфорде наберется еще двадцать человек, которые подтвердят, что видели меня там. Был бы я язычником, мистер инспектор, мне до вашей погибели не было бы дела, но как христианин, я обязан дать вам шанс, поэтому спрашиваю вас: хотите вы выслушать мое алиби здесь или в суде?

Впервые по лицу инспектора прошла тень волнения. Он сказал:

– Конечно, я был бы рад прямо сейчас снять с вас все обвинения.

Кузнец вышел со двора теми же легкими широкими шагами и вернулся с двумя гринфордскими друзьями, которые вообще-то были друзьями не только его, но и почти всех присутствующих. Оба они подтвердили рассказ Симеона Барнса, и никто не усомнился в их словах. После этого невиновность кузнеца начала казаться столь же очевидной и несокрушимой, как и церковь, возвышавшаяся над ними.

Тишина более странная и неприятная, чем любой разговор, воцарилась во дворе кузницы. Не вынеся молчания, викарий обратился к католическому священнику.

– Похоже, вас очень заинтересовал этот молоток, отец Браун.

– Да, – ответил отец Браун. – Почему он такой маленький?

Доктор внимательно посмотрел на него.

– А в самом деле! – воскликнул он. – Кто бы стал пускать в ход такой маленький молоток, если вокруг лежит десяток больших? – Потом склонился к самому уху викария и зашептал: – Разве что тот, кто не может поднять большой молоток. Разница в характере или смелости между полами тут ни при чем, здесь вопрос в плечевой силе. Отчаянная женщина легким молотком может отправить на тот свет десять человек и глазом при этом не моргнуть, но тяжелым молотком ей не убить и жука.

Вилфред Боэн смотрел на него немигающими округлившимися от ужаса глазами, словно в гипнотическом трансе, но отец Браун, наоборот, немного склонил голову набок и прислушивался очень внимательно. Доктор продолжал выразительное шипение:

– Почему эти идиоты всегда считают, что любовника женщины может ненавидеть только ее муж? В девяти случаях из десяти любовника ненавидит сама жена. Кто знает, может быть, он чем-то ее ужасно оскорбил или предал… Смотрите!

Коротким быстрым жестом он указал на рыжеволосую женщину на скамейке. Та наконец подняла голову. Слезы уже начали высыхать на ее красивом лице, но блестящие глаза неотрывно смотрели на труп. Взгляд ее был бессмысленным, почти до идиотизма.

Преподобный Вилфред Боэн безвольно повел рукой, будто давал понять, что не желает ничего слышать, но отец Браун, смахнув с рукава несколько хлопьев пепла, которые выдуло из горна, своим обычным безучастным голосом произнес:

– Вы говорите, как обычный врач, – сказал он. – Ваши суждения о психологии достаточно интересны, но в том, что касается физики, они напрочь лишены смысла. Я согласен с вами, что женщина ненавидит любовника намного сильнее, чем обманутый муж. И я согласен, что женщина всегда потянется к маленькому молотку, а не станет хватать большой. Но в данном случае трудность заключается в том, что то, о чем вы говорите, невозможно физически. Ни одна женщина в мире не смогла бы вот так разбить человеческой череп. – Немного помолчав, он задумчиво добавил: – Никто не обратил внимания, что у мужчины на голове был железный шлем, он тоже от удара разлетелся вдребезги, будто сделанный из стекла. Но посмотрите на эту женщину. Посмотрите на ее руки.

Снова наступило тяжелое молчание. С некоторой обидой в голосе доктор произнес:

– Может, конечно, я и ошибаюсь, ко всему можно придраться, и все же я остаюсь при своем мнении. Только идиот воспользовался бы маленьким молотком, если можно было взять большой.

И тут худые дрожащие руки Вилфреда Боэна взметнулись вверх и вцепились в жидкие желтые волосы. В следующий миг они безвольно упали и викарий закричал:

– Вот это слово! Наконец-то вы его произнесли! – Потом, совладав с возбуждением, он пояснил: – Вы сказали: «Только идиот воспользовался бы маленьким молотком, если можно было взять большой».

– Да, – подтвердил доктор. – И что?

– И то! – воскликнул викарий. – Это и был идиот. – Теперь уж не осталось никого, кто не смотрел бы на него во все глаза. Взволнованно он продолжил: – Я – священник, – воскликнул

он, и голос его задрожал почти по-женски. – А священник не должен проливать кровь. Я… я хочу сказать, что он не должен никого отправлять на виселицу. И я благодарю Бога, что наконец-то понял, кто убийца… Потому что убийцу этого не повесят.

– Потому что вы не назовете его имени? – поинтересовался доктор.

– Его не повесят, даже если я назову его имя, – произнес Вилфред с какой-то дикой и в то же время счастливой улыбкой. – Когда сегодня утром я вошел в церковь, я застал там молящегося безумца… Это был несчастный Джо, больной от рождения. Одному Господу известно, о чем он там молился, но у сумасшедших ведь все с ног на голову. Я бы не удивился, если бы и с молитвами так же было: сначала помолился, а потом убил человека. Когда я последний раз видел несчастного Джо, он был рядом с братом, и тот над ним насмехался.

– Вон оно что! – воскликнул доктор. – Понятно. Но как вы объясните…

Преподобного Вилфреда прямо-таки распирало от собственной догадливости.

– Разве вы не видите, разве вы не видите, – запальчиво вскричал он, – что это единственная версия, которая объясняет обе странности, дает ответы на обе загадки! Маленький молоток и сильный удар. Кузнец мог ударить сильно, но взял бы большой молоток. Жена его взяла бы маленький молоток, но не могла ударить так сильно. А сумасшедший мог сделать и то, и другое. Маленький молоток он взял, потому что… Ну, он же сумасшедший и мог вообще взять что угодно! А что касается силы удара, разве вы, доктор, никогда не слышали, что во время припадка сила у безумца может удесятериться?

Доктор набрал полную грудь воздуха и выдохнул:

– Честное слово, а ведь вы, кажется, правы!

Отец Браун смотрел на говорящего так долго и пристально, будто хотел внушить ему мысль обратить внимание на его большие и серые воловьи глаза. Когда наступила тишина, он с подчеркнутым уважением сказал:

– Мистер Боэн, ваша теория – единственная из всех пока что предложенных, которая в целом звучит убедительно. Поэтому, я думаю, вы заслуживаете того, чтобы знать: она не верна, я в этом уверен. – И с этими словами странный человечек отошел в сторону и снова принялся рассматривать молоток.

– Делает вид, что уже все понял, – раздражительно шепнул доктор Вилфреду. – Эти паписты хитры, как черти.

– Нет! Нет! – слабым голосом, как будто из последних сил выкрикнул Боэн. – Это сумасшедший убил. Сумасшедший.

Двое священников и доктор несколько отделились от более официальной группы, в которую входили инспектор и его арестованный, но теперь, когда их собственная группа распалась, они услышали, о чем ведут разговор их соседи. Невысокий католик молча поднял глаза, а потом снова опустил взгляд, когда услышал громкий голос кузнеца:

– Надеюсь, я убедил вас, мистер инспектор. Хоть я, как вы говорите, и сильный человек, но не мог я из Гринфорда сюда молоток добросить. Нету у моего молотка крыльев, чтобы он мог полмили пролететь над кустами да полями.

Инспектор дружелюбно усмехнулся и сказал:

– Да, похоже, вы и впрямь не имеете к этому никакого отношения, хотя совпадение, конечно, скажу я вам! Мне остается только просить вас, чтобы вы помогли нам найти человека такого же большого и сильного, как вы. Черт возьми, да мы были бы вам благодарны, если бы вы даже хотя бы помогли нам задержать этого мужчину! Вы ведь вряд ли догадываетесь, кто он, верно?

– Может, и догадываюсь, – ответил бледный кузнец, – только это не мужчина. – Потом, заметив, как беспокойный взор собеседника устремился в сторону его жены на скамейке, он обнял ее огромной ручищей за плечи и добавил: – И не женщина.

– Как же прикажете вас понимать? – с шутливой интонацией поинтересовался инспектор. – Не хотите же вы сказать, что молотками пользуются коровы, верно?

– Я думаю, не из плоти была та рука, что сжимала этот молоток, – произнес кузнец глухим голосом. – Если уж говорить о том, как он умер, я думаю, умер он в одиночестве.

Вилфред неожиданно подался вперед и впился в него горящими глазами.

– Неужто вы, Барнс, – раздался высокий голос сапожника, – хотите сказать, что молоток сам по себе подскочил и опустился на его голову?

– Можете на меня смотреть, джентльмены, можете улыбаться, – загремел Симеон, – и вы, священники, каждое воскресенье рассказывающие нам, как Господь покарал Сеннахирима[7]. А я считаю, что тот, кто входит незримым в каждый дом, защитил честь моего и поразил осквернителя на пороге его. В ударе том сила была та же, что сотрясает землю.

Голосом, не поддающимся описанию, Вилфред произнес:

– Я сам сегодня велел Норману страшиться молнии.

– Этот подозреваемый не в моем ведении, – сказал инспектор с легкой улыбкой.

– Зато вы – в Его! – ответил кузнец. – Подумайте об этом. – И, повернувшись к нему широкой спиной, вошел в дом.

Отец Браун по-свойски взял под руку потрясенного Вилфреда.

– Давайте уйдем из этого страшного места, мистер Боэн, – сказал он. – Мне можно зайти в вашу церковь? Я слышал, она – одна из самых старых в Англии. А мы, знаете ли, – добавил он и скорчил шутливую гримасу, – интересуемся старинными английскими церквями.

Вилфред Боэн не улыбнулся в ответ – чувство юмора никогда не было его сильной стороной, – но сосредоточенно закивал, поскольку был только рад возможности рассказать все о готических красотах тому, кто сможет почувствовать и понять его собственное восхищение ими больше, чем кузнец-пресвитерианец или атеист-сапожник.

– О, входить в нее нужно непременно с этой стороны, – сказал он и устремился к боковому входу, к которому вела крутая лестница. Но едва отец Браун, собираясь последовать за ним, поставил ногу на первую ступеньку, на его плечо легла рука, и, обернувшись, он увидел темную худую фигуру доктора, лицо которого все еще омрачала тень сомнения.

– Сэр, – голос медика звучал довольно резко, – судя по всему, вам что-то известно об этом темном деле. Вы что же, не поделитесь с нами?

– Есть одна очень веская причина, доктор, – ответил священник, улыбаясь вполне дружелюбно, – по которой человек моей профессии должен держать свои мысли при себе, пока не разберется во всем окончательно. А именно: то, что долг так часто велит ему держать их при себе, когда он убеждается, что не ошибся. Впрочем, если вас или кого-нибудь другого моя сдержанность задевает, я пойду вопреки своим правилам и дам вам две большие подсказки.

– Какие же? – хмуро поинтересовался доктор.

– Первое, – спокойно сказал отец Браун. – То, что произошло, вполне по вашей части. Все дело сводится к науке. Кузнец ошибается, но, возможно, не в том, что посчитал удар божественным провидением, а совершенно определенно в том, что думает, будто произошло чудо. Никакого чуда, доктор, если не считать, что человек с его странным жестоким и все же отважным сердцем сам по себе есть чудо. Сила, которая размозжила этот череп, прекрасно известна ученым… Это один из самых обсуждаемых законов природы.

Доктор выслушал его угрюмо, но с интересом.

– А вторая подсказка? – просто спросил он.

– А вторая моя подсказка такова, – сказал священник. – Вы помните, как кузнец, хоть он и верит в чудеса, насмешливо заметил, что у молотка его нет крыльев, чтобы как в сказке пролететь полмили над полями?

---

[7] Четвертая Книга Царств 19:35–39.

– Да, – кивнул доктор. – Помню.

– Так вот, – сказал отец Браун и широко улыбнулся. – Сказка эта ближе всего к истине, чем все, что сегодня было сказано.

С этими словами он развернулся и поднялся по лестнице вслед за викарием.

Бледный преподобный Вилфред, который дожидался его наверху, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, словно эта небольшая задержка была последней каплей для его расшатанных нервов, тут же повел его в свой любимый уголок в церкви, часть галереи, которая находилась ближе всего к резной крыше и освещалась изумительным витражом с ангелом. Маленький католический священник внимательно все осматривал, восхищенно ахал, с готовностью задавал вопросы и выслушивал ответы, но все время говорил тихо. Когда в процессе исследования он обнаружил боковой выход и винтовую лестницу, по которой Вилфред спустился вниз, чтобы увидеть мертвого брата, отец Браун с проворством обезьяны взбежал по ней, и сверху донесся его чистый голос:

– Поднимайтесь сюда, мистер Боэн. Свежий воздух будет вам полезен.

Боэн последовал за ним и вышел на что-то вроде каменной галереи или балкона, расположенного с наружной стороны, откуда как на ладони была видна усеянная деревеньками и фермами бескрайняя, уходящая темными лесами в фиолетовый горизонт равнина, на которой стоял их маленький холм. Прямо под ними находился двор кузницы, на котором еще стоял инспектор с записной книжкой и, подобно раздавленной мухе, лежал труп полковника Боэна. Весь двор был виден прекрасно, но с такой высоты казался очень маленьким.

– Как будто весь белый свет перед глазами, не правда ли? – произнес отец Браун.

– Да, – серьезно согласился Боэн и кивнул.

Стена готического храма под ними и вокруг стремительно уходила вниз и в стороны, обрываясь тошнотворной, как самоубийство, пустотой. Во всей средневековой архитектуре присутствует тот элемент титанической энергии, из-за которого, с какой точки ни рассматривай здание, всегда кажется, что стены его уносятся от тебя прочь, как обезумевшая лошадь. Эта церковь была сложена из древних немых камней, обросла бородой из лишайника и покрылась пятнами птичьих гнезд. И все же, когда они смотрели на нее снизу, она каменным фонтаном вздымалась вверх до самых звезд, но, когда они увидели ее вот так, сверху, она обрушивалась водопадом в немую бездну. Эти двое на башне остались один на один с самым страшным, что есть в готике, оказались в каменном вывернутым наизнанку хаосе, повисшем в воздухе, где все утрачивает привычные очертания и соразмерность, где от перспективы кружится голова, где огромное кажется крошечным, а маленькое – чудовищным. Близкие и оттого кажущиеся громадными каменные завитки на фоне лоскутного одеяла полей и крошечных ферм; резные птицы и звери на углах, словно циклопические драконы, нависшие над лугами и деревнями… От этого начинала кружиться голова и возникало ощущение опасности, как будто двух маленьких людишек какой-то колоссальный джинн нес по воздуху, махая крыльями. Само здание старой церкви, высокое и богатое, как собор, словно грозовая туча, нависало над залитой солнцем долиной.

– Мне кажется, что забираться так высоко достаточно опасно, даже для того, чтобы помолиться, – сказал отец Браун. – Высоты сотворены для того, чтобы смотреть на них, а не с них.

– Вы хотите сказать, отсюда можно упасть? – спросил Вилфред.

– Я хочу сказать, что пасть может душа, если не упадет тело, – ответил второй священник.

– Не совсем понимаю, – невнятно произнес Боэн.

– Ну вот кузнец, к примеру, – невозмутимо продолжил отец Браун. – Хороший человек, но не истинный христианин… Жесткий, высокомерный, суровый. Его шотландская религия была создана людьми, которые молились в горах, среди крутых утесов и больше привыкли смотреть вниз на мир, чем вверх на небо. Гигантов порождает смирение. С равнины видно великое, но с высоты все кажется пустячным.

– Но ведь… ведь это не он сделал, – неуверенно пробормотал Боэн.

– Да, – непонятным голосом ответил его собеседник. – Мы точно знаем, что это сделал не он.

Отец Браун помолчал, затем продолжил, мирно осматривая даль ничего не выражающими светло-серыми глазами.

– Я знал одного человека, – сказал он, – который сначала молился вместе со всеми, у алтаря, но потом полюбил молиться на высоких и уединенных местах, находил уголки и ниши в башне или на колокольне. И однажды в одном из этих головокружительных мест, с которых ему казалось, что мир, оставшийся внизу, крутится под ним, как колесо, разум его тоже пошел кругом, и он возомнил себя Богом. А потом, хоть он и был хорошим человеком, он совершил страшное преступление.

Лица Вилфреда не было видно, потому что он отвернулся, но костлявые руки его, которые вцепились в каменный парапет, стали белыми.

– Он решил, что имеет право судить людей и карать грешников. Если бы он преклонял колени внизу, вместе со всеми, подобная мысль никогда не пришла бы ему в голову. Но для него с высоты люди казались маленькими насекомыми. И среди них было одно особенно отталкивающее, которое копошилось прямо под ним… Наглое и ярко выделяющееся зеленой шляпой… ядовитое насекомое.

Из-за угла башни с карканьем вылетела стая грачей, но пока отец Браун не заговорил снова, больше не раздалось ни звука.

– Искушение его усилилось и тем, что в его руках находилась одна из самых страшных сил природы. Я говорю о гравитации, том безумном ускорении, с которым все, что рождено землей, устремляется обратно к ее сердцу, если его отпустить на высоте. Посмотрите! Видите, прямо под нами инспектор расхаживает по двору кузницы? Если я сейчас сброшу отсюда камешек гравия, когда он попадет в него, это уже будет настоящая каменная пуля. Если бы я сбросил молоток… пусть даже маленький…

Вилфред Боэн быстрым движением перебросил одну ногу через парапет, но отец Браун в ту же секунду ухватил его за воротник и оттянул обратно.

– Не через эту дверь, – мягко произнес он. – Этот путь ведет в преисподнюю.

Боэн прижался спиной к стене и уставился на него испуганными глазами.

– Откуда вы все знаете? – воскликнул он. – Вы что, дьявол?

– Я – человек, – с серьезным видом ответил отец Браун. – И поэтому все злые духи у меня в сердце. Послушайте, – немного помолчав, сказал он. – Я знаю, что вы сделали… По крайней мере, почти обо всем догадываюсь. Расставаясь с братом, вы были охвачены праведным гневом, и настолько, что даже схватили небольшой молоток, почувствовав неосознанное желание убить его и прервать поток грязи, извергающийся из его уст. Но в последнюю секунду вас охватил ужас, и, вместо того чтобы пустить молоток в ход, вы сунули его за пазуху и бросились в церковь. Вы неистово молились в разных местах: под витражом с ангелом, потом выше, а потом еще выше, откуда восточная шляпа полковника казалась похожей на спинку зеленого ползающего по двору жука. Потом что-то щелкнуло у вас в голове, и вы обрушили на него гром небесный.

Вилфред поднес к лицу ослабевшую руку и тихо спросил:

– Как вы узнали, что шляпа была похожа на зеленого жука?

– А, вы об этом, – по лицу Брауна скользнула тень улыбки. – Обычный здравый смысл. Но слушайте дальше. Я сказал, что мне все известно, но об этом больше не узнает никто. Я сохраню эту тайну, как тайну исповеди. Если вы спросите, почему я поступаю так, я отвечу, что на то есть много причин, и среди них к вам имеет отношение лишь одна. Я оставляю вам решать, как поступать дальше, потому что вы еще не испорчены окончательно, не превратились в обычного убийцу. Вы не стали перекладывать вину на кузнеца, когда появилась такая

возможность, или на его жену, когда стало возможным это. Вы попытались приписать злодеяние умственно отсталому, поскольку знали, что он от этого не пострадает. Я ведь и занимаюсь своим делом, чтобы замечать подобные проблески в преступниках. А теперь давайте спустимся вниз и идите своей дорогой. Вы свободны, как ветер. Я сказал свое последнее слово.

Не произнеся больше ни слова, они спустились по винтовой лестнице и вышли на яркий свет рядом с кузницей. Вилфред осторожно отпер деревянную калитку, подошел к инспектору и сказал:

– Я хочу признаться. Брата убил я.

Странные шаги

Если в гостинице «Вернон» вам случится встретить кого-нибудь из членов привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», приехавшего на ежегодный торжественный обед, то, когда он будет снимать пальто или плащ, вы увидите, что фрак его не черного, а зеленого цвета. Если вы настолько безудержно смелы, что не побоитесь обратиться к такому человеку и спросите его, почему – он, вероятно, ответит: чтобы не быть похожим на официанта. После этого вы в полном недоумении пойдете своей дорогой. Подобная встреча, конечно, сама по себе – событие весьма необычное, можно даже сказать, исключительное, но загадка останется загадкой.

Точно так же (если продолжить воображать невероятные ситуации), если вы когда-нибудь повстречаете тихого, трудолюбивого, невысокого священника, по имени отец Браун, и спросите его, что, по его мнению, является самой большой удачей в его жизни, скорее всего, он ответит, что, пожалуй, больше всего ему повезло в гостинице «Вернон», когда он сумел предотвратить преступление и, возможно, спасти чью-то душу после того, как всего-то прислушался к шагам в коридоре. Может статься, что он очень гордится той своей удивительной догадкой и с удовольствием поведал бы о ней. Однако, поскольку вероятность того, что вы когда-либо подниметесь по социальной лестнице так высоко, чтобы повстречать кого-то из «Двенадцати верных рыболовов», или когда-либо опуститесь до уровня городских трущоб и преступного мира, чтобы встретить отца Брауна, неизмеримо мала, я боюсь, истории этой вам никогда не услышать. Разве что вы узнаете ее от меня.

Гостиница «Вернон», в которой «Двенадцать верных рыболовов» проводили свои ежегодные обеды, являлась тем заведением, которое может существовать исключительно в олигархическом обществе, помешанном на правилах хорошего тона. Это было одно из тех «эксклюзивных» коммерческих предприятий, где все поставлено с ног на голову. Другими словами, деньги там зарабатывали не привлекая клиентов, а отказывая им. В мире, где правят большие капиталы, продавцы становятся достаточно хитры, чтобы понимать, насколько выгоднее быть разборчивее своих покупателей. Они целенаправленно создают трудности, чтобы их богатые и уставшие клиенты могли тратить деньги и труды на их преодоление. Если бы в Лондоне существовала фешенебельная гостиница, в которую не допускались бы люди ростом ниже шести футов, наверняка светские рауты для людей ростом в шесть футов устраивались бы именно в ней. Если бы существовал некий дорогой ресторан, который по прихоти своего владельца работал бы только по понедельникам, каждый понедельник он был бы забит до отказа богатой публикой.

Гостиница «Вернон» как будто случайно приютилась в уголке одной из площадей Белгрейвии. Гостиница была небольшой и очень неудобной. Однако именно это неудобство преподносилось как те стены, которые защищают определенный класс от соприкосновения с внешним миром. Одно из таких неудобств считалось особенно важным, а именно то, что обедать одновременно там могли не более двадцати четырех человек. Единственный большой общий стол в гостинице стоял на своего рода террасе, выходившей в один из старейших и красивейших парков Лондона. И так случилось, что ровно двадцать четыре места имелось за этим столом для желающих насладиться хорошей погодой, что делало подобное наслаждение еще более недостижимым и оттого еще более желанным. Тогда владельцем гостиницы был еврей по фамилии Левер, и он заработал около миллиона, сделав свое заведение почти недоступным. Разумеется, он сделал все возможное, чтобы в его гостинице все было по первому разряду. Вина и блюда там были не хуже, чем в любом другом месте Европы, а поведение работников в точности соответствовало настроениям английского высшего класса. Всего в гостинице работали полтора десятка официантов, и владелец знал каждого как свои пять пальцев. Надо ска-

зать, что было намного проще стать членом парламента, чем устроиться официантом в эту гостиницу. Каждый из них прошел суровую школу обучения молчанию и незаметности, как будто его готовили в личные слуги какого-нибудь джентльмена. И действительно, каждого обедающего там джентльмена обслуживал, по меньшей мере, один официант.

Клуб «Двенадцать верных рыболовов» ни за что не согласился бы отобедать в другом месте, поскольку настаивал на изысканной уединенности. Даже мысль о том, что в одном здании с ними находится любой другой клуб, могла основательно расстроить его членов. По случаю ежегодного обеда у рыболовов было принято выставлять напоказ свои богатства (примерно как в семьях достают фамильное серебро, когда собираются гости), особенно знаменитые ножи и вилки в форме рыб, которые являлись своего рода символами принадлежности к их обществу. Каждый из этих предметов был изготовлен из серебра и имел на ручке большую жемчужину. Они выкладывались на стол, когда подавалась рыба, и рыбное блюдо, само собой разумеется, представляло самую важную часть этих изумительных трапез. Общество это имело множество специальных ритуалов и церемоний, но не имело ни истории, ни цели, в чем и заключался его аристократизм. Членом клуба мог стать любой человек, поскольку, если вы уже не входили в определенную категорию людей, вы бы о нем и слыхом не слыхивали. Существовал клуб двенадцать лет, председателем его был мистер Одли, вице-председателем – герцог Честер.

Если мне удалось более-менее убедительно передать атмосферу этой гостиницы, у читателя может возникнуть вполне естественный вопрос: а откуда мне о ней известно. Он может даже задуматься о том, как такой обыкновенный человек, как мой друг отец Браун, оказался в этой золотой галере. Моя история, до известной степени, проста и даже банальна. Есть в этом мире один очень старый мятежник и учитель, который врывается даже в самые недоступные укромные уголки с вестью о том, что все люди – братья, и куда бы ни явился этот «великий уравнитель» на коне бледном, задача отца Брауна – следовать за ним. В тот день одного из официантов, итальянца, хватил удар, и его хозяин-еврей, тихо удивляясь подобным суевериям, вынужден был послать за ближайшим католическим священником. О чем на исповеди поведал официант отцу Брауну, нас не касается, поскольку служитель церкви не стал об этом распространяться, но очевидно, что разговор с умирающим обязал священника срочно написать определенное письмо или заявление, целью которого было передать кому-то некое сообщение или же исправить какую-то ошибку. Поэтому отец Браун с кроткой настойчивостью, которую, впрочем, проявил бы и в Букингемском дворце, потребовал предоставить ему отдельное помещение и письменные принадлежности. Мистер Левер не знал, что делать. Он был добрым человеком, но обладал и тем качеством, которое порой принимают за доброту: он терпеть не мог спорить и устраивать сцены. В то же время присутствие в его гостинице в тот вечер неизвестного человека было для него точно пятно грязи на чем-то только что вычищенном. В гостинице «Вернон» не было ни смежных, ни подсобных помещений, никто не дожидался в вестибюле, и случайные посетители в нее не заходили. В ней находились пятнадцать служащих и двенадцать гостей, и в тот вечер обнаружить в гостинице нового гостя было равносильному тому, чтобы у себя дома столкнуться с новым членом семьи. Более того, внешний вид святого отца был, мягко выражаясь, неприглядным, и на нем была грязная одежда. Увидь его кто-нибудь из гостей, даже издалека, это могло обернуться кризисом для клуба. Раз уж устранить этот позор не было возможности, мистер Левер придумал план, позволявший его скрыть. Если вы войдете в «Вернон» (чего, можно не сомневаться, никогда не произойдет), сначала вы пройдете по короткому коридору, украшенному несколькими сомнительными, но дорогими картинами, а потом выйдете в главный вестибюль с холлом, от которого по правую руку от вас отходят коридоры, ведущие в номера, а по левую – такие же коридоры, ведущие в кухни и помещения, занимаемые работниками заведения. Непосредственно слева от себя вы увидите угол комнаты со стеклянными стенами, выходящими в холл, – это своего рода дом в доме, что-

то вроде застекленной стойки администратора старой гостиницы, которая когда-то, возможно, занимала это место. Здесь теперь дежурил помощник Левера (никто в гостинице не исполнял своих обязанностей лично, если этого можно было избежать), а сразу за этим помещением, по дороге к служебным комнатам, находился гардероб для джентльменов – граница их владений. Но между застекленной будкой и гардеробом располагалась крошечная комнатка, которую хозяин гостиницы использовал для важных деликатных дел, как-то: одалживал какому-нибудь герцогу тысячу фунтов или отказывал ему в шести пенсах. О невиданной снисходительности мистера Левера говорит тот факт, что он позволил простому священнику осквернить своим присутствием это святое место, оставив его там на целых полчаса с письменными принадлежностями. История, которую отец Браун изложил тогда на бумаге, наверняка намного интереснее, чем моя, только мы ее никогда не узнаем. Я могу лишь сообщить, что по длине они почти совпадают и что последние два-три абзаца ее менее всего интересны и захватывающи.

Ибо как раз к тому времени, когда он до них добрался, мысли священника начали мало-помалу уходить в сторону, и он позволил своему звериному чутью, обычно недремлющему, пробудиться. Время начала торжественного обеда приближалось, начинало темнеть. В маленькой уединенной комнате освещения не было, и, возможно, именно поэтому, как это часто бывает, мрак обострил слух. Когда отец Браун заканчивал последнюю и наименее значимую часть своего документа, он вдруг обратил внимание на то, что пишет в такт какому-то мерному шуму, доносящемуся снаружи. Так иногда ловишь себя на том, что думаешь под песню колес поезда. Как только он об этом подумал, ему сразу стало понятно, что это за звуки: всего лишь шаги. Кто-то проходил мимо двери его убежища, что для гостиницы – не такое уж редкое событие. Тем не менее он оторвался от письма и, мечтательно глядя в темнеющий потолок, стал прислушиваться. Через несколько секунд он встал и начал прислушиваться внимательнее, слегка наклонив голову набок. Потом снова сел и обхватил голову руками, но теперь он не только слушал, но еще и думал.

Сам звук шагов был совершенно обычный, такие шаги можно услышать в любой гостинице, и все же было в них что-то очень странное. Кроме них других шагов слышно не было. В этом доме всегда было очень тихо, поскольку те немногие гости, которые здесь собирались, сразу же направлялись в свои апартаменты, а вышколенные официанты умели оставаться практически незаметными, пока в них не возникала надобность. Трудно себе представить место, где было бы меньше причин ожидать чего-то необычного. Но эти шаги казались до того странными, что было даже трудно понять, обычные они или необычные. Отец Браун повторил их пальцами на краешке стола, как человек, пытающийся научиться играть какую-то мелодию на фортепиано.

Сначала шла серия быстрых мелких шажков – такие звуки мог издавать легкоатлет, участвующий в состязании по спортивной ходьбе. В какой-то миг они прекращались и дальше следовали медленные мерные шаги. Эти шаги звучали раза в четыре реже, чем предыдущие, но слышны были примерно такое же время. Как только они прекращались, вновь раздавался бег, или дробь, легких торопливых шажков, через какое-то время они опять превращались в медленные тяжелые шаги. Не вызывало сомнения, что эти звуки издают одни и те же ноги, поскольку, во-первых, как уже сказано, здесь было не настолько оживленно, и во-вторых, обувь издавала хоть и слабое, но характерное поскрипывание. Отец Браун – человек, который не может не задавать вопросов, но от этого, казалось бы, пустякового вопроса у него чуть не лопалась голова. Он видел, как люди разбегаются перед прыжком. Он видел, как люди разбегаются перед тем, как начать скользить. Но зачем, спрашивается, человеку разбегаться для того, чтобы начать идти? Или, с другой стороны, зачем человеку идти, прежде чем побежать? А другого объяснения странным фортелям, которые выделывала эта невидимая пара ног, не было. Человек за дверью либо пробегал одну половину коридора для того, чтобы медленно пройти другую, либо шел очень медленно из одного его конца, чтобы стремительно ускорить шаг ближе

ко второму. Ни в одном из этих предположений особого смысла не просматривалось. Как и в самой комнате, в голове его становилось все темнее и темнее.

Однако, когда священник заставил себя думать спокойно, мрак, заполнявший камеру, в которой он был заключен, помог его мыслям проясниться. Ему вдруг представились эти странные ноги, которые такой неестественной или символической походкой перемещались по коридору. Может быть, это какая-то ритуальная языческая пляска? Или новое гимнастическое упражнение? Отец Браун решил рассуждать трезво. Что конкретно можно определить по звуку этих шагов? Сначала медленные: наверняка, это не шаги хозяина гостиницы. Люди такого типа либо ходят быстро и враскачку, либо вообще никуда не идут и сидят на месте. Это и не слуга, и не посыльный, ожидающий указаний. Звук не тот. Люди неимущие (в среде богачей) иногда топчутся на месте, если слегка пьяны, но в основном, а особенно в таких роскошных местах, как это, стоят или сидят неподвижно в принужденной позе. Нет. Эта тяжелая и в то же время упругая походка с оттенком беспечности, не особенно шумная, но и не особенно осторожная может принадлежать только одному виду живых существ. Это может быть только какой-то выходец из Восточной Европы, возможно, из тех, кому никогда не приходилось самому зарабатывать себе на жизнь.

И как только он уверился в этом заключении, шаги ускорились, и из-за двери донесся торопливый крысиный топоток. Слушатель в полутемной комнате отметил, что шаги, делаясь быстрее, в то же время становились тише, словно человек перемещался на цыпочках. Хотя ему не показалось, что человек за дверью хочет скрыть свое присутствие. Здесь было что-то другое. Но что? Отец Браун, как ни силился, не мог сообразить, что напоминает ему эта странная суетливая походка. От этого его бросало в ярость. Он совершенно точно уже где-то слышал такой звук. Неожиданно, охваченный какой-то новой мыслью, он вскочил и приблизился к двери. Прямого выхода в коридор его комнатка не имела, но с одной стороны там была дверь в стеклянную будку, а с другой – в гардероб. Он подергал дверь в будку и обнаружил, что она заперта. Тогда он посмотрел на квадратное окно, за которым не было видно ничего, кроме чернильной тучи, разрубленной багровым закатом, и тотчас почувствовал чье-то присутствие, как собака чует крысу.

Однако разумное начало снова возобладало. Он вспомнил, Левер предупреждал, что запрет его пока в комнате на ключ и выпустит позже. Он сказал себе, что этим необычным шагам снаружи можно придумать еще пару десятков объяснений, о которых он просто пока не подумал, и напомнил себе, что в комнате еще достаточно светло, чтобы закончить то дело, ради которого он здесь находился. Он взял бумаги, подошел к окну, через которое еще проникал пурпурный вечерний свет, и снова ушел с головой в почти законченную работу. Минут двадцать он писал, наклоняясь к бумаге все ниже и ниже, а потом неожиданно сел ровно. Он снова услышал необычные шаги.

Но на этот раз появилась третья странность. Если раньше неизвестный ходил, спокойно или торопливо, но ходил, то сейчас он побежал. По коридору промчались быстрые, мягкие, скачкообразные шаги, словно на мягких лапах пробежал леопард. Кто бы там ни ходил, этот человек силен, подвижен и чрезвычайно взволнован. Однако после того как звук стремительно приблизился к комнате (словно налетел легкий ветер), шаги снова зазвучали по-старому: медленно, развязно.

Отец Браун решительно бросил бумаги и, зная, что дверь в будку заперта, сразу направился к выходу в гардероб. Гардеробщика на месте не оказалось, вероятно, потому что он знал, когда гости обедают, на рабочем месте ему делать нечего. Пробравшись через серый лес пальто и плащей, священник увидел, что темный гардероб выходил в освещенный коридор чем-то вроде открывающегося прилавка, самого обычного, через который всем нам приходилось передавать зонтики и получать номерки. Прямо над полуаркой этого проема горела лампа. На самого отца Брауна, который казался неясным черным силуэтом напротив темного окна у

него за спиной, свет почти не падал. Зато человек, стоявший в коридоре рядом с гардеробом, был освещен прекрасно, почти как актер на сцене.

Это был стройный мужчина в обычном фраке, высокий и широкоплечий, но огромным его нельзя было назвать. При взгляде на него создавалось впечатление, что он может незаметно проскользнуть там, где многие люди ростом поменьше бросились бы в глаза и даже мешались бы под ногами. Смуглое и оживленное лицо его, повернутое к свету, выдавало в нем иностранца. Он был подтянут, держался легко и уверенно. Единственный недостаток можно было усмотреть лишь в том, что его черный фрак, простоватый, даже странным образом мешковатый, не соответствовал такой фигуре и манере держаться. Едва заметив темнеющую на фоне заката фигуру Брауна, он бросил на стойку бумажный номерок и голосом приветливым, но властным произнес:

– Шляпу и пальто, пожалуйста. Срочные дела.

Отец Браун бессловесно взял номерок и покорно пошел разыскивать пальто. Не в первый раз ему приходилось выступать в роли лакея. Найдя пальто, он вернулся и положил его на стойку, странный джентльмен тем временем ощупал карман жилета и с улыбкой сказал:

– Кажется, я без серебра, так что вот, держите.

И он бросил на стойку золотую монету в полсоверена.

Фигура отца Брауна оставалась все такой же темной и спокойной, но в этот миг он потерял голову. Надо сказать, что, когда голова его терялась, она приобретала наибольшую ценность. В такие мгновения он мог сложить два и два и получить четыре миллиона. Католическая церковь (поборница здравого разума) подобного не одобряла. Да он и сам часто этого не одобрял, и все же умение в ответственные минуты терять голову, для того чтобы спасти ее, является истинным даром.

– Мне кажется, сэр, – учтиво произнес он, – что в ваших карманах есть серебро.

Высокий джентльмен оторопел.

– Позвольте, – воскликнул он, – вы что же, недовольны? Я же вместо серебра дал вам золото!

– Иногда серебро стоит намного дороже золота, – мягко ответил священник. – Когда речь идет о большом количестве.

Незнакомец внимательно посмотрел на него. Потом еще более внимательно посмотрел на коридор, ведущий к выходу. После этого снова посмотрел на Брауна, а затем пристально обвел взглядом окно за его головой, еще не совсем потухшее. Наконец он, похоже, принял решение. Опершись одной рукой о стойку, мужчина с легкостью акробата перемахнул через нее, навис всем своим немаленьким ростом над священником и взял его большой рукой за воротник.

– Стойте спокойно, – глухо прошипел он. – Я не угрожаю, но…

– А я угрожаю, – раскатистый голос отца Брауна загремел, как литавры, – угрожаю червем неумирающим и огнем неугасающим.

– Странный вы гардеробщик, – промолвил высокий незнакомец.

– Я – священник, месье Фламбо, – сказал Браун, – и я готов принять исповедь.

Мужчина на какое-то время остолбенел, потом пошатнулся и опустился на стул.

Первые две смены блюд обеда «Двенадцати верных рыболовов» были приняты благосклонно. Копии меню у меня нет, а если бы и была, все равно перечисление блюд ничего никому не сказало бы. Оно было написано на том немыслимом французском языке, которым пользуются повара, но который совершенно не понятен самим французам. Согласно порядкам в клубе, hors d'œuvres[8] должны быть многочисленны и разнообразны до безумия. Относились к ним очень серьезно по одной причине: потому что все это многообразие являлось совершенно бессмысленным, как и сам обед, как, впрочем, и сам клуб. Кроме того, по традиции, суп дол-

[8] Закуски (*фр.*).

жен был быть легким и несытным, он воспринимался как своего рода аскетическое введение к рыбному пиршеству, которое за ним следовало. Разговоры велись теми странными тихими и небрежными голосами, которые правят Британской империей, правят ею не открыто, а подспудно, хотя если бы рядовой англичанин и сумел подслушать, о чем здесь говорят, вряд ли бы это его воодушевило. Министров членов кабинета обеих палат здесь называли по именам, и обсуждались они со скучливо-благодушной интонацией. Радикально настроенный канцлер казначейства, которого, как считалось, за политику форменного вымогательства проклинала вся партия тори, здесь удостаивался похвалы за умение держаться в седле во время охоты и недурной поэтический слог. Глава тори, которого все либералы ненавидели и считали тираном, здесь тоже обсуждался и в целом заслужил положительную оценку за свой… либерализм. Вообще, создавалось впечатление, что политики у них были важной темой для разговоров, и в то же время обсуждалось тут все, кроме самой политики. Мистер Одли, председатель клуба, любезный пожилой мужчина в чопорном гладстоновском воротнике, был своего рода олицетворением этого призрачного и в то же время сплоченного сообщества. За всю свою жизнь он не сделал ничего… даже ничего плохого. Не разговорчив, не особенно богат. Он просто был одним из них, и все. Ни одна из партий не могла не считаться с фактом его присутствия, и если бы он захотел войти в состав кабинета, он бы непременно туда попал. Герцог Честер, вице-председатель, был молодым восходящим политиком. Другими словами, этот приятный молодой человек с прилизанными светлыми волосами и веснушками был в меру умен и обладал несметным состоянием. Его публичные выступления неизменно сопровождались успехом, и принципы, которых он придерживался, были достаточно просты. Если у него возникало желание пошутить, он шутил, и его называли замечательным. Если же шутка не приходила ему в голову, он говорил, что сейчас не время для пустых разговоров, и его называли толковым. В личном общении, например в клубе, среди людей одного с ним класса, он был мило простодушен и простоват, как мальчишка. Мистер Одли, который никогда не занимался политикой, относился к своим подопечным несколько более серьезно. Порой он даже приводил собравшихся в смущение высказываниями, предполагающими, что между либералами и консерваторами все же существует какая-то разница. Сам он был консерватором, даже в личной жизни. Седые волосы у него на затылке ниспадали на допотопный стоячий воротник благородными локонами, как у какого-нибудь старого государственного мужа, и сзади он походил именно на того человека, в котором нуждалась империя. Спереди же он был похож на тихого, любящего комфорт холостяка, снимающего квартиру в Олбани, кем он, собственно, и являлся.

Как уже говорилось, за столом на террасе имелось двадцать четыре места, а в клубе состояло всего двенадцать человек. Это позволило всем рыбакам прекрасно расположиться за внутренней стороной стола и свободно наслаждаться роскошными видами сада, краски которого были все еще яркими, несмотря на то что для этого времени года вечер выдался достаточно пасмурным. Председатель сел посередине, вице-председатель расположился по правую руку от него. Когда двенадцать гостей занимали свои места, все пятнадцать слуг по традиции (как она зародилась, неизвестно) выстроились в ряд у стены, как почетный караул, встречающий короля. Сам толстый хозяин заведения замер в поклоне с лучезарной улыбкой, долженствовавшей обозначать радостное удивление, словно он впервые увидел дорогих гостей. Однако еще до первого звона ножей и вилок вся эта армия слуг исчезла, и остались лишь один-два официанта, которые, сохраняя гробовое молчание, стали носиться вдоль стола, собирая и расставляя тарелки. Мистер Левер, владелец гостиницы, разумеется, со всей учтивостью растворился задолго до этого. Было бы неуместным преувеличением говорить, что после этого он снова появлялся на террасе, но, когда было подано самое важное, рыбное блюдо, возникло… как бы это сказать… некое ощущение его присутствия, некая проекция его фигуры, которая как бы говорила о том, что он где-то рядом. Само священное рыбное блюдо являло собой (в глазах непосвященной черни) что-то вроде чудовищного пудинга, размерами и формой сход-

ного со свадебным тортом, в котором довольно большое количество разных рыб наконец-то утратило данные им Господом очертания. Двенадцать верных рыболовов взяли свои знаменитые серебряные рыбные ножи и рыбные вилки и приступили к трапезе с такой серьезностью, будто каждый дюйм пудинга стоил не меньше вилки, с помощью которой он поедался. Хотя вполне возможно, что так оно и было. Рыболовы поглощали это блюдо молча, сосредоточенно, и лишь когда на блюде почти ничего не осталось, молодой герцог произнес ритуальное:

– Так, как здесь, это блюдо нигде не приготовят.

– Нигде, – согласно пробасил мистер Одли, повернувшись к говорившему и закивал благообразной головой. – Несомненно. Только здесь. Мне рассказывали, что в «Кафе Англи»… – Тут он был на миг прерван и даже, можно сказать, озадачен исчезновением тарелки, которую убрал официант, но все же сумел не упустить важную мысль. – …Мне рассказывали, что в «Кафе Англи» готовят нечто подобное. Уверяю вас, сэр, никакого сходства, – сказал он и покачал головой с видом непреклонного судьи, выносящего суровый, но справедливый приговор. – Совершенно никакого.

– Это место переоценивают, – произнес полковник Паунд. Судя по его виду, это были первые слова, произнесенные им за последние несколько месяцев.

– О, право, не знаю, – сказал склонный к оптимизму герцог Честер. – Для определенных вещей это самое лучшее место. К примеру, только там можно…

На террасу зашел официант и на полпути вдруг остановился. Остановка его была такой же беззвучной, как и передвижение, но сидящие за столом разомлевшие, наслаждающиеся приятной истомой джентльмены были настолько привычны к четкой и размеренной работе невидимых механизмов, которые окружали их и обеспечивали высшим комфортом, что неожиданное действие официанта заставило их вздрогнуть и изумиться. Они почувствовали то, что вы или я почувствовали бы, если бы мир вещей отказался нам повиноваться. Если бы, к примеру, от протянутой руки отпрыгнул стул.

Несколько секунд официант стоял в молчаливом изумлении, пока на лицах за столом сгущалось то странное стыдливое выражение, которое является порождением нашего времени, – сочетание современного гуманизма и той страшной пропасти, которая в наши дни пролегла между бедными и богатыми. Настоящий аристократ прошлого начал бы швырять в нерасторопного лакея разными предметами, начав с бутылки и закончив, вполне вероятно, деньгами. Настоящий демократ без лишних церемоний спросил бы, какого дьявола он встал как вкопанный. Но для этих современных плутократов само присутствие бедолаги рядом было чем-то немыслимым, будь он хоть раб, хоть друг. Тот факт, что со слугой что-то случилось, был всего лишь досадным, неприятным недоразумением. Проявить грубость им не хотелось, но мысль о том, что придется проявить человечность, повергала их в ужас. Каковы бы ни были причины странного поведения официанта, они хотели, чтобы все это поскорее закончилось. И это закончилось. Официант, простояв несколько секунд в оцепенении, развернулся и как сумасшедший выбежал с террасы.

Когда он снова появился на террасе, вернее в дверях, рядом с ним находился еще один официант, которому он что-то возбужденно шептал, по-южному порывисто жестикулируя. Потом первый официант ушел, оставив в дверях второго, и вернулся с третьим. Когда к этому собранию присоединился четвертый участник, мистер Одли почувствовал, что правила приличия обязывают его нарушить тишину. Вместо председательского молотка он пустил в ход очень громкий кашель и сказал:

– А младший Мучер молодцом держится в Бирме. Не правда ли, ни одна другая нация в мире не смогла бы…

Пятый официант подлетел к нему и прошептал в самое ухо:

– Прошу прощения. Очень важное дело! Может ли хозяин поговорить с вами?

Председатель растерянно повернулся и с удивлением увидел мистера Левера, быстро приближающегося к ним значительной походкой. Впрочем, добрый хозяин гостиницы ходил так всегда, но вот лицо его выглядело крайне необычно. От природы имея здоровый медно-коричневый оттенок, сейчас оно было болезненно-желтым.

– Прошу меня простить, мистер Одли, – произнес он, дыша тяжело, как астматик. – Боюсь, произошло что-то ужасное. Ваши рыбные тарелки… их унесли… с ножами и вилками?

– Надеюсь, – сказал председатель с некоторой настороженностью в голосе.

– Вы его видели? – задохнулся взволнованный владелец гостиницы. – Вы видели официанта, который забрал их? Вы его знаете?

– Знаю ли я официанта? – негодующе воскликнул мистер Одли. – Ну, разумеется, нет.

Мистер Левер в отчаянии развел руками.

– Я не посылал его, – простонал он. – Я не знаю, когда он пришел и почему. Я послал своего официанта убрать тарелки, но он увидел, что их уже унесли.

Мистер Одли все еще выглядел слишком озадаченным, чтобы быть именно тем человеком, в котором нуждалась империя. Никто из сидящих за столом не мог произнести ни слова, кроме деревянного полковника Паунда, который неестественно оживился. Он медленно встал, вкрутил в глазницу монокль и заговорил скрипучим приглушенным голосом так, будто почти позабыл, как это делается.

– Вы хотите сказать, – произнес он, – что кто-то украл наши серебряные рыбные приборы?

Хозяин гостиницы снова, с еще большим отчаянием, развел руками, и тут уж встали все, кто сидел за столом.

– Все ваши официанты на месте? – негромким и хриплым, но строгим голосом спросил полковник.

Между полковником и Левером возникло мальчишеское лицо герцога Честера.

– Да, все здесь. Я сам пересчитал, – воскликнул юный вице-председатель клуба. – Я всегда их пересчитываю, когда вхожу, они так смешно выглядят, когда у стены выстраиваются!

– Но нельзя ведь всех упомнить, – веско усомнился мистер Одли.

– Я точно помню, говорю вам, – не унимался герцог. – Больше пятнадцати официантов здесь никогда не было. И сегодня я насчитал, как обычно, ровно пятнадцать, клянусь вам. Ни больше ни меньше.

Хозяина заведения затрясло, он в изумлении воззрился на герцога.

– Вы говорите… Вы говорите, – прерывающимся голосом пролепетал он, – что видели всех моих пятнадцать официантов?

– Как всегда, – заверил его герцог. – А что?

– Ничего, – еврейский акцент Левера сделался заметнее. – Только не могли вы их видеть. Один из них сегодня умер и лежит наверху.

На какой-то миг стало ужасно тихо. Возможно, каждый из этих пустых людей (такое сверхъестественное воздействие оказывает слово «смерть») заглянул себе в душу и увидел, в какую маленькую сухую горошину она превратилась. Кто-то из них – я думаю, герцог – даже произнес с идиотской участливостью богача:

– Мы чем-то можем помочь?

– У него уже был священник, – не без благодарности в голосе произнес еврей.

Потом, словно трубный глас страшного суда разбудил их, они прошли в себя. Несколько жутких секунд они действительно думали, что пятнадцатый официант мог быть призраком мертвеца, и эта мысль заставила их оцепенеть в замешательстве, потому что призраки были для них таким же неудобством, как бедняки, но воспоминание о серебре разрушило мистические чары. Резко и жестко. Полковник перешагнул через стул и широкими шагами направился к двери.

– Друзья, если здесь было пятнадцать человек, – сказал он, – то пятнадцатый – вор. Немедленно идем вниз к парадной и задней дверям. Перекроем все выходы, вот тогда и поговорим. Двадцать четыре жемчужины клуба стоят того, чтобы побеспокоиться.

Мистер Одли некоторое время колебался в сомнении, пристало ли джентльмену вообще беспокоиться из-за чего-либо, но, увидев, что молодой герцог с юношеским азартом бросился по лестнице вниз, степенно последовал за ним.

И в ту же секунду на террасу ворвался шестой официант с сообщением о том, что в буфете он обнаружил груду рыбных тарелок но без следов серебра.

Гости и служители заведения беспорядочной толпой скатились по лестнице и, разделившись на две части, устремились по двум коридорам. Большинство рыболовов последовали к вестибюлю, чтобы узнать, выходил ли кто-нибудь из здания. Полковник Паунд, председатель, вице-председатель и еще один-два члена клуба помчались по коридору, ведущему к служебным помещениям, посчитав, что вор, вероятнее всего, для бегства выбрал именно этот путь. Пробегая мимо темного алькова или, скорее, пещеры гардероба, они заметили невысокую фигуру в черном, наверное, гардеробщика, который стоял чуть в глубине, закрытый тенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.